

Научно-теоретический и методический журнал

1
2008

ПРЕПОДАВАНИЕ **ИСТОРИИ** *в школе*

Периодическое издание основано в 1916 г., возобновлено в мае 1934 г.

Входит в перечень ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАКом РФ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки Российской Федерации
Межрегиональная общественная организация
«Объединение преподавателей истории»
ООО «Преподавание истории в школе»

Культурология и педагогика

- 3 А.И. Копысова**
Основные направления самообразования учителя истории в условиях модернизации исторического образования
- 8 Е.П. Щеголева**
Художественная культура и ее роль в формировании ценностной ориентации будущего учителя
- 12 О.В. Муромцева**
Итальянские пейзажи Сильвестра Щедрина
- 17 О.Ю. Солодянкина**
Как знали и как преподавали историю иностранные гувернеры и гувернантки в России (XVIII – первая половина XIX вв.)

История Отечества и историография

- 23 А.Д. Гомбожапов**
Тюрко-монгольские кочевые державы: особенности исторического развития в контексте трудов Л. Н. Гумилева
- 27 О.В. Василенко**
Влияние кочевых народов на процесс заселения юго-восточной части Воронежского уезда во второй половине XVII в.
- 32 Е.И. Трофимова**
Вопросы истории благотворительности в исследованиях ученых Воронежа XIX – начала XX века

36 А.Ю. Сидоров

Пространственные и временные факторы во внешней политике Советского Союза на Дальнем Востоке в 1930-е гг.

40 К.Л. Котюков

Русская военная эмиграция в Югославии в 1941–1942 гг. и ее роль в создании Русского Охранного корпуса

45 Г. Л. Воробьев

Реакция уральцев на закрытый доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС

45 Планы выставок Государственной Третьяковской галереи на 2008 год

**АДРЕС РЕДАКЦИИ ДЛЯ
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ:**

129626, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А.

Тел.: (495) 683-2541.

Тел\факс: (495) 683-8583.

E-mail: pishinfo@rambler.ru

www.pish.ru

Формат 70 х100 1/16.
Тираж 3500 экз. Заказ №

Журнал зарегистрирован
Министерством по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций РФ
28 декабря 2000 г.
Свидетельство ПИ № 77-7049
Отпечатано в ОАО
«Выбор-принт»

127278, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А.
Тел. (495) 683-54-52.
Факс: (495) 683-54-52.

© ООО «Преподавание истории в школе», 2008,
№ 1. Спецвыпуск
Распространяется только в розницу.

Главный редактор	<i>Э.Н. Абдулаев</i>
Заместитель главного редактора	<i>В.Б. Перхавко</i>
Редакторы отделов	<i>С.А. Абрамова, А.Ю. Морозов, А.П. Прохоров</i>
Зав. производственным отделом	<i>С.А. Голубков</i>
Компьютерная верстка	<i>С.А. Голубков</i>
Координатор номера	<i>В.Б. Перхавко</i>

Редакционный совет:

**Э.Н. Абдулаев, М.Д. Афанасьев,
В.В. Артемов, И.В. Бестужев-Лада,
О.В. Волобуев, Т.Д. Дмитриевич,
А.Б. Драхлер, А.Н. Иоффе, Г.М. Карпов,
А.Ф. Киселев, А.В. Лукутин, К.Г. Митрофанов,
В.Б. Перхавко, А.П. Прохоров, Я.В. Соловьев,
А.И. Чернов, А.П. Шевырев**

**Охраняется Законом об авторском праве. Запрещается воспроизведение журнала
или журнальной статьи без письменного разрешения издателя.**

Любая попытка нарушения закона будет преследоваться в судебном порядке.

А.И. Копысова

Основные направления самообразования учителя истории в условиях модернизации исторического образования

В результате реформ, проводимых в нашей стране, изменилась ситуация во всех сферах общественной жизни. Появились новые технологии на производстве, разнообразные формы собственности, политические партии и общественные движения, возрос поток информации. Эти революционные по масштабам изменения повлияли на российскую систему образования в целом и систему школьного исторического образования в частности. Ответом на вызовы времени стала модернизация образования.

Термин «модернизация» означает усовершенствование, улучшение объекта, приведение его в соответствие с новыми требованиями и нормами.

Модернизация образования – это комплексное, всестороннее обновление всех звеньев образовательной системы и всех сфер образовательной деятельности в соответствии с требованиями современной жизни, при сохранении и развитии лучших традиций отечественного образования.

Модернизация исторического образования включает:

- Возрастание роли и значения исторического образования как средства гражданского и нравственно-патриотического воспитания
- Переход к профильному обучению, изучение истории на профильном и базовом уровне

Алевтина Ивановна Копысова – аспирант кафедры педагогики, истории педагогики и образования Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров.

- Введение исторического краеведения в качестве регионального компонента государственного образовательного стандарта

- Внедрение в образовательный процесс учебно-методических комплектов, основанных на цивилизационном, культурологическом подходах.

Успех модернизации исторического образования во многом зависит от профессионально-личностных качеств учителей истории. Необходим новый уровень самосознания педагога, который обеспечит его постоянное самосовершенствование. В связи с этим особенно актуальным становится необходимость обеспечения непрерывного образования учителей истории.

Непрерывное образование – это процесс приобретения педагогом необходимых знаний, умений, навыков, качеств по мере возникновения потребности в них. Самообразование придает непрерывному образованию целостный и восходящий характер. Самообразование – это управляемая личностью целенаправленная систематическая познавательная деятельность, имеющая целью совершенствование своего образования.

Потребность в самообразовании не является сама по себе, ее надо воспитывать (И.Л. Наумченко). Этому способствуют: любовь к детям, желание расширить кругозор, интерес. Пока потребности не удовлетворены, человек испытывает недовольство собой. Путем самообразования педа-

гог может удовлетворить одну из главных социальных потребностей – потребность в познании. Потребность в самообразовании тесно связана с социальными и духовными потребностями педагога. С одной стороны, путем самообразования педагог может удовлетворить свои социальные и духовные потребности: повысить социальный статус, добиться уважения со стороны учащихся, их родителей, коллег, превратить свой труд в творческий процесс, максимально проявить себя как личность. С другой стороны, включение личности в самообразование зависит «от ее духовного потенциала и развития духовных потребностей» (А.К. Громцева), от его интеллигентности.

Одной из главных задач организации самообразования является формирование мотивации, т.к. именно она определяет активность педагога в профессиональном развитии. Мотивация – это психологическое явление, оно относится к сфере сознания человека. Мотивы – побуждения к деятельности, совокупность условий, вызывающих активность субъекта. В качестве таких потенциальных мотивов могут выступать присущие данному обществу ценности, интересы, идеалы. В случае их принятия педагогом, они приобретают побудительную силу и придают педагогической деятельности личностный смысл.

По мнению психологов, побудителем к самообразовательной деятельности педагога может быть: «самолюбие, желание быть не хуже других, критика со стороны» (С.Б. Елканов), «оценивание хода и результатов своей работы, сравнение себя с другими, анализ отношения к себе коллег, учащихся, родителей» (С.Г. Вершловский). Приведенные высказывания позволяют сделать вывод, что главную роль в образовании взрослых играет внешняя мотивация. И.А. Колесникова, занимаясь проблемами образования взрослых, отмечала, что у мужчин и женщин разные мотивы самообразования. Мужчины с помощью самообразования хотят улучшить материальное

положение, профессиональные достижения, общественное положение. Женщины стремятся к самовыражению, саморазвитию, творчеству.

Мотивы самообразования меняются в ходе постепенного психического развития, зависят от стадии профессионального становления и возраста педагога (Б. Дэли, В.Б. Гаргай, В.И. Слободчиков, А.Р. Фонарев).

В период молодости, в возрасте от 19 до 28 лет, в самообразовательной деятельности педагога доминируют внутренние мотивы. Молодые люди в этот период времени активно овладевают профессией, проявляют творчество, преобразуя окружающий мир и себя, «на работе осваиваются профессиональные роли и позиции, начинается совершенствование мастерства, в первую очередь через самообразование» (В.И. Слободчиков). Начинающие педагоги стремятся получить как можно больше информации из различных источников. Они много читают, участвуют в семинарах и конференциях, посещают музеи, общаются с интересными людьми. В практической деятельности молодые педагоги следуют рекомендациям, почерпнутым из книг и советов коллег. В этот период у молодого педагога складывается представление о себе как профессионале. Чтобы сложилась адекватная самооценка, необходима помощь со стороны, «в осуществлении мечты огромную помощь молодому человеку может оказать наставник» (В.И. Слободчиков). Наставник может вселить в молодого человека уверенность, передать мастерство и опыт. В роли наставника выступает более опытный коллега, методист, представитель администрации.

Период молодости – это самые продуктивные годы для самообразования, т.к. молодые педагоги:

- способны к длительной напряженной умственной деятельности;
- владеют необходимыми для самообразовательной деятельности умениями и навыками;
- легко усваивают новую информацию и новые виды деятельности

Период зрелости (от 32 до 42 лет) характеризуется психологами как оптимальный для профессиональных и интеллектуальных достижений. Педагог в данный период отказывается от помощи наставников и приобретает полную самостоятельность. Он решает ряд жизненных задач: «стать возможно лучшим родителем для своих детей, достичь совершенства в профессии, быть преданным другом, интересным партнером в общении» (В.И. Слободчиков). В этом возрасте педагог работает над устранением личных недостатков, самосовершенствуется, поэтому активно занимается самообразованием. Учитель получает информацию, используя источники: периодическую печать, художественную, научную, справочную литературу, Интернет. Он может составлять планы самообразования, вести дневник, где отмечать успехи и недостатки. Отношение к получаемой информации меняется: она не цель, а средство для личностного и профессионального становления. Вся информация осмысливается в контексте собственного опыта, поэтому возрастает значение рефлексии, «рефлексия становится основным способом совершенствования профессионального мастерства» (В.Б. Гаргай). Вместе с тем психологи (В.И. Слободчиков, А.В. Толстых) отмечают, что в возрасте 35–46 лет человек начинает испытывать серьезные затруднения в овладении новыми видами деятельности. Поэтому для повышения эффективности самообразовательной деятельности педагогов необходимо создавать условия.

В зрелом возрасте от 44 до 60 лет происходит непрерывное развитие компетентности, углубление специализации. Возможно, сил и энергии в этом возрасте становится меньше, но профессиональные задачи педагог решает успешно за счет большого опыта, умения организовать свою работу. Вместе с тем «наблюдается все усиливающаяся тенденция довольствоваться тем, что есть...» (В.И. Слободчиков). Анализируя зарубежные и отечественные источники по данной проблеме, исследователи (В.Н. Фо-

кина, А.В. Слива, Н.В. Черепанова) сделали вывод, что «зрелые взрослые» хотят получать знания в целях личного совершенствования. Их интересуют проблемы: экология и здоровый образ жизни; общие вопросы культуры и искусства; психологические аспекты семейных взаимоотношений; домашняя экономика; приватизация жилья, земельных участков и дачных домиков; фотография; музыка; взаимоотношения с органами власти; компьютерная грамотность; основы этики и психологической культуры межличностного общения; элементы трудового и семейного права; выборы в демократическом обществе и другие.

Таким образом, самообразовательная деятельность педагога продолжается и в зрелом возрасте, но содержание ее сильно меняется. «Старость – один из пиков самообразования» (М. Князева). Самообразование становится образом жизни, ее смыслом, ее энергией, спасением от бед и недугов. Самообразование позволяет продолжить интеллектуальную деятельность, и педагог чувствует себя жизнеспособным.

Таким образом, самообразование – это процесс, который развивается на протяжении всей жизни педагога. Достижение определенного результата самообразования является основой для следующего шага на этом пути. Самообразование получило широкий размах в 80-е гг. XIX в. в связи с выходом рекомендаций Н.А. Рубакина. Книги Рубакина были адресованы в целом всем читателям, но особенно активно были восприняты учителями. Интерес к самообразованию возродился в 20-е гг. XX в., когда потребовалось большое количество учителей в связи с ликвидацией неграмотности, и когда в школы пришли работать люди, не имеющие специального педагогического, а подчас и общего образования. Появились работы Н.И. Кареева, Э.Г. Остермана, Н.К. Крупской об организации самообразования. Самообразование переживало подъем в 60-е гг. XX в. в связи с начавшейся в СССР НТР и в середине 1980-х гг. в связи с перестройкой. Исследования А.К. Громцевой, С.Б. Ел-

канова, С.Г. Вершловского, Г.М. Коджаспировой дали новое дыхание изучению проблем самообразования. Самообразование получало развитие в критические переломные моменты истории нашей страны, когда необходимо было срочно решать задачи по реформированию общественной жизни.

В 80–90-е гг. XX в. учителя истории оказались в очень трудном положении: смена идеологии, отказ от марксистско-ленинской методологии, формационного подхода, вал новой информации, отсутствие учебной литературы. Система повышения квалификации оказалась недостаточно мобильной, чтобы решить проблемы учителей истории. Путем самообразования педагоги быстро пополняли запас знаний и умений и готовили будущих специалистов по преобразованию экономики, науки, культуры.

Раскроем основные направления самообразования учителя истории в условиях модернизации исторического образования:

Первое – расширение знаний по философии, которая является методологической основой исторической науки. Философия, будучи наукой о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления, помогает каждому учителю истории достигнуть нового уровня осмысления стоящих перед ним проблем. В эпоху перемен, когда активно происходит переоценка многих образовательных ценностей и смыслов, каждому педагогу необходимо задуматься над смыслом своего труда, своей самообразовательной деятельности, миссией истории как науки. В этом учителю истории могут помочь: размышления о смысле жизни С. Франка, о смысле истории Н. Бердяева и К. Ясперса, патриотические статьи И. Ильина и В. Кожина, публицистические статьи о судьбе и грехах России Г. Федотова, статьи и письма П. Чаадаева, раздумья о России Д.С. Лихачева.

Второе – изучение работ современных авторов по проблемам исторического образования: Л.Н. Алексашиной, А.А. Данилова, Е.Е. Вяземского, С.И. Козленко, А.Я. Гуревича, О.Ю. Стреловой. Данное направление

самообразовательной деятельности позволит по-новому осмыслить цели, задачи, содержание исторического образования в условиях его модернизации. Разрабатывая основные подходы к образованию взрослых, И.А. Колесникова подчеркивала, что для поддержания знаний на уровне требований современности, специалист должен не менее 4-6 часов в неделю уделять изучению последних достижений в области, которой он занимается.

Третье – краеведческое направление самообразования, потому что знание истории Родного края прежде всего способствует воспитанию гражданина, его патриотических чувств. Предложенное направление позволяет использовать разные источники самообразования: чтение воспоминаний, просмотр документальных фильмов о Родном крае, посещение выставок, музеев, памятных мест, совершения интегративных образовательных экспедиций. Новую технологию интегративных образовательных экспедиций разработали и апробировали в Вятской гуманитарной гимназии. Школьники отправляются в экспедиции по историко-культурным и литературным местам своей Родины. Чувство Родины рождается в экспедиции как отклик на увиденное своими глазами и услышанное сердцем. Экспедиции способствуют духовно-нравственному, эмоционально-ценностному развитию личности и воспитанию любви к Родному краю у ее участников. Вместе с учащимися необходимо обратиться к семейным архивам, к письмам с фронта, к фотографиям родных, так как «отношение к родине как ценности и святине вырастает на любви к своей семье, своему дому, своим родителям, своим предкам» (Е.О. Галицких). Данное направление самообразования самое благодатное для осмысления проблем гражданского воспитания, но учителями истории используется редко. Возможно потому, что требует от учителя большой организованности, силы воли, современных широких знаний, совершения поступка...

Четвертое направление самообразова-

ния – развитие учителями истории навыков «критического читателя» и «критического зрителя». Данное направление обусловлено следующими причинами:

- развитием массовых коммуникаций и манипулятивных технологий;
- возникновением новых интерпретаций прошлого в связи с открытием новых источников или переосмыслением старых;
- использованием исторических фактов в рекламе и современных художественных фильмах;
- освоением информационных «джунглей» Интернета;
- сопровождением проектно-исследовательской деятельности учащихся в профильной школе;
- анализом новых учебно-методических комплектов.

Развитию навыков «критического читателя» учителями истории способствует освоение технологии критического мышления через чтение и письмо. Д.С. Лихачев предостерегал от «скоростного чтения», потому что оно «создает видимость знаний». Он советовал читать, «вникая во все мелочи», «с интересом, не торопясь». Для стимулирования более внимательного и вдумчивого чтения, можно использовать прием технологии Критического мышления – «инсерт» (чтение с разметкой). По ходу чтения текста необходимо ставить значки: «v» – уже знаю, «+» – новое, «-» – думал иначе, «?» – есть вопросы. По результатам разметки может быть составлена таблица:

v	+	-	?

Активно воспринимать, систематизировать, оценивать информацию позволяет прием «плюс-минус-вопрос». «+» – оложительные стороны исторического явления, «-» – отрицательные стороны исторического явления, «?» – какие вопросы возникают. Увязать содержание текста со своим личным опытом дает возможность прием «двухчастный дневник».

Цитата из документа	Комментарии. Почему эта цитата привлекла ваше внимание

Наиболее востребованным учителями истории является **пятое** направление самообразования – чтение художественной литературы. Произведения Д. Гранина, А. Рыбакова, В. Михальского, Л. Головиной (Римской-Корсаковой) дают субъективно-художественную оценку событий, но наполняют уроки истории живыми впечатлениями.

Чтобы преподавание истории было современным, воспитывало гражданское самосознание у школьников, учитель истории должен постоянно самосовершенствоваться. Самообразование позволяет педагогу установку «образование для жизни» заменить принципом «образование через всю жизнь».

Е.П. Щеголева

Художественная культура и ее роль в формировании ценностных ориентаций будущего учителя

На современном этапе развития образования выдвигаются повышенные требования к учителям, к их профессиональной подготовке. Деятельность современного учителя требует нового педагогического мышления, ценностными установками которого является приоритет индивидуально-творческого над алгоритмическим, переход от познавательной к личностно-ориентированной парадигме. В этой связи особое внимание представляет вопрос о ценностях и ценностных ориентациях студентов педагогических вузов, формирующихся в процессе их профессиональной подготовки. Проблему ценностных ориентаций мы рассматриваем с позиций изучения объектов художественной культуры, авторов художественных произведений и личного участия в творческом процессе.

Вопрос о ценностях возникает, когда человек начинает разделять бытие на реальность, то есть то, что он имеет и ценность, то, что является объектом его желаний и устремлений. Соотношение внутренних ценностей человека с миром реальностей является проекцией будущей жизни человека и общества.

Для понимания сущности ценности рассмотрим мнения авторов по данному вопросу. Как подчеркивает Л.М. Архангельский, «ценность есть результат объективно-взаимодействия, осознания отношений

субъекта к объектам удовлетворения потребностей» [1, с. 64]. По мнению К.Н. Ковыляева, «ценности есть все значимое для человека, в том числе материальные и духовные предметы и явления, которые данный субъект положительно оценивает, избирает и использует в своем личностном развитии» [5, с.19].

В.А. Слостенин, исследуя происхождение понятия «ценность» отмечает, что в нем соединены три основных значения. Первое значение – «определение вещественно-предметных свойств явлений в основе которого лежит и эмоциональное отношение человека к оцениваемым предметам и явлениям»; второе значение – «определение нравственных категорий, обозначающих, в том числе психологические характеристики человека»; третье значение – «определение социальных явлений характеризующих отношения между людьми». Генезис понятия «ценность» позволяет условно выделить различные виды ценностей. Например, – экономические, психологические, нравственные, эстетические, познавательные, социальные.

«Мир ценностей – это, прежде всего мир культуры в широком смысле слова, это сфера духовной деятельности человека, его нравственного сознания, его привязанностей – тех оценок, в которых выражается мера духовного богатства личности. Свобода человека – это всегда освобождение власти низших ценностей, выбор высших ценностей и борьба за их осуществление» [4, с. 15– 24].

Елена Павловна Щеголева – аспирант кафедры психологии управления Барнаульского государственного педагогического университета.

Мы придерживаемся мнения, что человек, взаимодействующий с внешним миром, выстраивает окружающие его объекты в иерархию по степени их значимости для него. Степень значимости отдельного объекта для человека, как субъекта, и есть ценность. Определённый порядок ценностей, устанавливаемый человеком, по критерию важности позволяет создать индивидуальную систему ценностных ориентаций. Отношение субъекта к тем или иным объектам реальной действительности формируется исходя из его ценностных ориентаций.

Иначе говоря, ценностная ориентация отражает избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, опирается на систему внутренних установок, убеждений, предпочтений, выраженных в поведении. Для будущего учителя, как носителя культуры в обществе, необходимо, формирование ценностных ориентаций, где в основе лежат всечеловеческие ценности.

В документах государственного значения уделяется внимание вопросам культуры и ценностей в образовании. Так, в статье 2 «Принципы государственной политики» Закона Российской Федерации «Об образовании» провозглашается значимость всечеловеческих ценностей [3, с.4]. Следует также отметить, что в некоторых научных источниках происходит замена термина «общечеловеческие ценности» – «всечеловеческими ценностями». Это объясняется тем, что последние важны для всех людей, но по-разному, а общих для всех ценностей не может быть потому, как человечество разделяется и функционирует в различных культурно-исторических формациях.

В статье 9 закона Российской Федерации «Об образовании» указывается на то, что образовательные программы должны быть направлены на решение задач формирования общей культуры личности. [3, с.8]. Поскольку, образованный человек должен не только приобрести в процессе обучения сумму знаний, умений и навыков, но и отвечать требованиям, которые позволят назвать его *культурной личностью*.

В Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. среди стратегических целей отмечено активное взаимодействие образовательной системы с культурой. Подчеркивается необходимость более полного использования нравственного потенциала искусства как средства формирования и развития этических принципов и идеалов в целях духовного развития личности.

Образовательным учреждениям необходимо более внимательно относиться к воспитательному потенциалу произведений искусства, уделять особое внимание формированию художественной культуры, выстраиванию ценностных ориентаций человека. В ряде случаев у студентов, начинающих обучаться в вузе, ценности представлены фрагментарно.

Построение системы ценностных ориентаций личности студента мы предлагаем осуществлять через формирование художественной культуры. Содержательным ядром художественной культуры является искусство. Искусство – один из важнейших механизмов познания феномена человека и мира, накопление этого знания и социального опыта людей, порождение и отбор специфических ценностных установок индивидуального и коллективного бытия людей и актуализация этих ценностей путем опредмечивания их в художественных образах.

Следует различать, художественную и эстетическую культуры. Художественная культура – это все принадлежащее искусству (изобразительные, музыкальные, литературные и прочие произведения, несущие в себе отражения каких-либо вымышленных или реальных событий зачастую с уже расставленными акцентами в пользу добра или зла); эстетическая культура – то, что принадлежит другим формам культуры, труда, общения, социальной жизни (сама жизнь, все то, что нас окружает, всё то, что мы можем оценить с позиций добра и зла, красоты и уродства и др.). Иначе говоря, художественная культура – это

то, что представлено в отдельных предметах, либо в другой материализованной форме, а эстетическая – это духовно-нормативный аспект жизни.

Процесс формирования художественной культуры, на наш взгляд, является процессом выстраивания иерархии ценностей, формирования ценностного отношения к различным аспектам действительности посредством художественной культуры (различных предметов искусства).

Формироваться могут черты и свойства, востребованные окружающей средой, ситуацией развития, социумом, самим человеком, но пока отсутствующие в структуре личности, либо то, что уже есть, но нуждается в коррекции, трансформации, дополнении.

Мы определяем термин «формирование», как процесс приобретения, восполнения или коррекции определенных форм, свойств, черт, качеств личности.

Формирование художественной культуры будущего учителя – это приобретение, восполнение или коррекция ценностей личности, выведение их на уровень всечеловеческих посредством теоретического и практического изучения различных жанров искусства. Формирование художественной культуры происходит, прежде всего, через художественное воспитание и дополняется иными видами воспитания, такими как эстетическое, нравственное, патриотическое и другими.

Понимание тонкостей художественной культуры, как совокупности достижений человека в области искусства, позволяет формировать внутреннюю художественную культуру отдельной личности. В этом случае мы понимаем художественную культуру как организацию и развитие человеческой жизнедеятельности в соответствии с эталонными образцами, представленными в художественных образах различных видов искусств, которые способны быть регуляторами жизни общества.

Умение познавать и грамотно оценивать произведения искусства, в которых отраже-

ны явления действительности, с точки зрения противопоставления негативного компонента позитивному, позволяет человеку видеть данные противопоставления и в собственной жизни, что формирует его внутренний мир в соответствии с ценностями, проверенными временем. Кроме этого, дает возможность осознанно отказаться от негативных явлений массовой культуры, которые активно навязываются средствами массовой информации и ориентируют подрастающее поколение на высмеивание высоко-нравственной жизненной позиции.

Можно проследить взаимосвязь между развитием культуры, в целом, художественной культуры, в частности, с уровнем образования в обществе, с настроениями, царящими в нем. Так, в древний период культура служила источником образования; все накопленные знания, в основном, передавались через предметы творчества народа. В последующие эпохи художественная культура явилась правдивым отображением жизни в обществе, которое не поддавалось контролю власти. Образование, в свою очередь, зачастую развивалось в согласии с правящими слоями общества и практически во всех случаях находилось под строгим контролем правительства, того или иного исторического периода. Художественная культура способна обнаруживать реальное положение дел в обществе, во всех сферах, и побуждать человека задумываться о своей жизни, своем развитии, будущем себя и общества. Поэтому глобальные изменения в общественном устройстве, прежде всего, являются логическим продолжением их отражения в современной культуре и ведут к преобразованию общества в разных аспектах. Поэтому формирование художественной культуры у студентов педагогических вузов позволит им реально оценить состояние общества, частью которого они являются и выявить прогрессивные и регрессивные направления культуры в формировании сознания подрастающего поколения

Современное общество нуждается в специалистах, всесторонне развитых, имею-

щих основательное научное образование, богатую внутреннюю культуру. Квалификационная характеристика учителя должна стать основой для разработки содержания и методов профессиональной подготовки специалистов, учебных планов и программ обучения будущих учителей. Следует отметить, что будущий педагог, выходя из стен вуза, должен обладать глубокой теоретической и практической подготовкой, знать основы педагогики, психологии и методики, позволяющие решать разносторонние практические учебно-воспитательные задачи, совершенствовать педагогическое мастерство, владеть методами взаимодействия с различными коллективами, иметь высокий уровень культуры и нравственности.

Формирование ценностных ориентаций, как системы отношений человека к различным явлениям духовного и материального мира может базироваться на изучении предметов искусства, которые являются основной составляющей художественной культуры как результата, то есть, совокупности всех достижений в области искусства за всю историю существования челове-

чества. А также способствуют воспитанию личности. В этом случае художественная культура рассматривается как норма, то есть совокупность требований, регулирующих поведение людей, их жизнь и деятельность, которая отражается в произведениях искусства.

Литература

1. *Архангельский Л.М.* Ценностные ориентации и нравственное развитие личности. М., 1978.
2. Воспитательная деятельность педагога: учеб. пособие для студентов высш. учеб. Заведений / И.А. Колесникова, Н.М. Борытко, С.Д. Поляков, Н.Л. Селиванова; Под. общ. ред. В.А. Сластенина и И.А. Колесникова. М., 2005.
3. Закон Российской Федерации «Об образовании». М. 2004.
4. *Зеленов Л.А.* Культура – личность – деятельность // Общественный прогресс и культура. Горький, 1983.
5. *Ковыляев К.Н.* Формирование ценностных ориентаций у курсантов высших военно-учебных заведений средствами художественной культуры (педагогическое исследование на материалах вузов РВСН): Дисс. канд. пед. наук . М., 2003.

Планы выставок Государственной Третьяковской галереи на 2008 год

5 февраля

АЛЕКСАНДР ХАРИТОНОВ

Выставка открыта с 6 по 17 февраля

Малый Толмачевский переулок, 6, стр. 1

18 февраля

ТУЛУЗ-ЛОТРЕК. ПАРИЖСКИЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

Выставка Анри де Тулуз-Лотрек (1864–1901), знаменитого живописца, рисовальщика, литографа, организована совместно с Национальным институтом истории искусств Франции. Институт обладает уникальной коллекцией его работ, собранных и переданных в свое время в национальную библиотеку известным французским коллекционером, современником Тулуз-Лотрека, Жаком Дусе. В экспозиции будут представлены около 80 офортов и литографий из коллекции Национального института истории искусств Франции, а также карандашный автопортрет художника из частного собрания в Швейцарии.

При финансовой поддержке ОАО Банк ВТБ

Выставка открыта с 19 февраля по 4 мая

Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 3-й этаж

О.В. Муромцева

Итальянские пейзажи Сильвестра Щедрина

Творчество Сильвестра Щедрина (1791–1830), представляет собой важный этап в развитии русского пейзажа XIX в. За свою непродолжительную жизнь художник успел пройти длинный путь творческой эволюции от классицистического традиционного пейзажа, характерного для XVIII – начала XIX в., до свободной ландшафтной живописи, завоевавшей популярность во второй половине XIX в. При чем основные этапы развития мастерства художника пришлось на время его пребывания в Италии, природа которой стала главной темой его творчества.

Сильвестр Феодосьевич Щедрин принадлежал к артистической семье. Его отец был известный скульптор, брат отца – Семен – ландшафтный живописец, профессор Петербургской Академии художеств, младший брат самого Щедрина, Аполлон стал архитектором¹. Сильвестр Щедрин поступил в гравировально-ландшафтный класс Академии художеств, созданный и возглавляемый его дядей Семеном Щедриным. Надо отметить, что само возникновение этого класса свидетельствовало о выделении пейзажа как самостоятельного жанра живописи. В период начала творческого пути Щедрина наиболее признанными пейзажистами в России были Семен Федорович Щедрин, Федор Михайлович Матвеев и Федор Яковлевич Алексеев. А основными темами пейзажей – виды Петербурга и его окрестностей (их много писали Семен Щедрин и Алексеев), а также изображение античных

Ольга Валерьевна Муромцева – кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

развалин на фоне символического ландшафта (эти мотивы нередко встречаются в картинах Матвеева, прожившего долгое время в Италии). Таким образом, в пейзажах XVIII – начала XIX в. мир раскрывался вне реальных явлений природы; в работах пейзажистов этого периода трудно встретить изображение осени, зимы, весны, дождя, снега или солнечного света. Природа изображалась условно, согласно принятым нормативам.

Естественно традиции русской ландшафтной школы не могли не отразиться на раннем этапе творчества С. Щедрина. В своих первых произведениях художник изображал Петербург, разрабатывая те же виды городского и даже именно петербургского пейзажа, как и Алексеев. Однако по своему коричневатому колориту его живопись петербургского периода ближе к Семену Щедрину, чем к серебристой и голубоватой гамме произведений Федора Алексева. Еще ничто не указывало на то, куда в дальнейшем пойдет живописное развитие молодого художника. Условный колорит и композиция с резким разделением пространства на планы – вот отличительные черты его произведений петербургского периода.

В 1811 г. за картину «Вид Петровского острова в Петербурге» (находится в Русском музее) Щедрин получил Большую золотую медаль Академии художеств и право на заграничную поездку. Однако вместе с несколькими другими юношами, окончившими Академию, он не смог сразу же отправиться за границу, так как в это время шла война в Европе. Только в 1818 г. Щедрин получил, наконец, возможность уехать.

Совершив небольшое путешествие по Европе, он обосновался в Италии, сначала в Риме, затем в Неаполе. Именно между этими двумя городами, путешествуя и подолгу живя то в одном из них, то в другом, а летом в их живописных предместьях, прошла итальянская жизнь русского живописца Сильвестра Щедрина. И в этот 12-летний итальянский период постепенно произошла эволюция в творчестве художника.

Прежде чем перейти к характеристике выбранных мною итальянских пейзажей Щедрина, задамся вопросом, что или кто повлияли на формирование живописной манеры художника.

Во время своего путешествия по Европе Щедрин имел возможность увидеть картины Якоба Рейсдаля и Клода Лоррена, которые привели молодого живописца в восхищение: «Сии картины (речь о трех пейзажах Рейсдаля) суть превосходные образцы для художников, занимающихся ландшафтной живописью. Но две картины Клода Лоррена заставляют забыть все, до того виденное по сей части произведения. Первая – вид, снятый с сицилийского берега. Луч восходящего солнца отражается на поверхности колеблющегося моря, вдали видна часть города, наперед под тенью деревьев покоятся Аст и Галатей. Картина сия есть совершеннейшее произведение сего знаменитого художника, и чем более рассматриваешь оную, тем более удивляешься искусству, с каким написана вода и разбросаны на ней блики... так и точности, с каковой соблюдена перспектива удаляющегося моря»². Именно эти эффекты в изображении свето-воздушного пространства (воды, воздуха, неба, солнечных лучей) интересовали и привлекали Сильвестра Щедрина. И освоению техники их отображения были посвящены творческие поиски художника.

Несомненно, богатая яркими красками, солнечная природа Италии, особенно ее морское побережье, живописные окрестности Неаполя, Сорренто, Амальфи поразили и вдохновили Сильвестра Щедрина. После недолгого пребывания в Риме художник от-

правился в Неаполь, где пробыл два года, и снова был вынужден вернуться в Рим. С 1825 г. и до своей смерти Щедрин фактически поселился в Неаполе, летом выезжая в Сорренто, Амальфи и на Капри. В Неаполе и, особенно, в Сорренто расцвели все качества щедринского дарования³. Художник глубоко почувствовал особенности пейзажа этих мест: базальтовые скалы и нависающие над морем дома, водную гладь и ярко голубое небо, отражающиеся в воде солнечные лучи и поддернутый розовой дымкой горизонт. Однако потребовалось время, прежде чем художник сам признал, что справился с задачей построения свето-воздушной перспективы и с созданием «правильной» цветовой гаммы и композиции. Только в 1826 г., через восемь лет после приезда в Италию, он написал картину, которую показал своему другу – скульптору Гальбергу, как результат своего нового понимания колорита. Щедрин спросил Гальберга, находит ли он какую-либо перемену в его манере. «Я отвечал, – пишет Гальберг – разница приметна и даже очень. Вообще все краски серые, тона холодные, но больше силы и больше натуры. Ну, слава Богу, – сказал он, – насилию то я выбился из теплых тонов, о которых мне столько толковали, да и толкуют господа любители».

Именно в 1826 г. была написана первая из анализируемых нами картин – **«Берег Сорренто с видом на остров Капри»**, ранее известная под названием «Скалы малой бухты на острове Капри». История с изменением названия картины связана с исследовательской работой Э.Н. Ацаркиной, автора монографии, посвященной творчеству художника. Ацаркина, изучившая переписку С.Щедрина и другие свидетельства о его жизни, обнаружила, что живописец впервые посетил остров Капри в 1827 г., а на картине имеется авторская дата: «1826». За разрешением данного противоречия она обратилась к директору неаполитанского музея «San Martino» профессору Кауза. По фотографии картины из Третьяковки Signor Кауза определил, что, по-видимому, Щедрин

писал берег Сорренто с островом Капри на горизонте⁴. Надо отметить, что названия большинства полотен Сильвестра Щедрина весьма условны. Некоторые виды художник писал по много раз при разном освещении, в разное время суток, таким образом, внося небольшие изменения в реплики своих картин. Кроме того, амальфитанское побережье очень живописно, но многие его пейзажные виды (скалы, обрывы, бескрайние морские просторы и изогнутая линия берега) достаточно однообразны.

Так, и на этой картине Щедрина основными компонентами изображения являются каменистый берег с возвышающейся за ним отвесной скалой, старое здание у воды, лодка с группой рыбаков, тянущих сети, небольшой мол и маячащие вдали парусные суда. Таким образом, этот небольшой пейзаж достаточно незамысловат и прост по своему содержанию, производит впечатлительные камерности, и в то же время отличается большой выразительностью. Возможно, его очарование и заключается в этой видимой простоте и немногословности.

Композиция картины построена по диагональному принципу, что характерно для многих работ Щедрина и является определенным новаторством художника. Традиционными принципами композиционного построения пейзажей русских художников начала XIX века были или, так называемое, кулисное построение, или построение по принципу «воронки» (когда все стороны картины как бы ограничены композиционными элементами, привлекая внимание зрителя в центр полотна) – см. картины Матвеева и Алексеева в приложении. Оба эти принципа предполагали строгую симметрию композиции. Сильвестр Щедрин ввел в свои картины диагональное построение, при котором одна часть композиции была заполнена берегом с людьми и высившимися за ним скалами, а другая, освобожденная от предметов, давала возможность показать широкое пространство, наполненное светом и воздухом. А именно изображение морского пространства и свето-воз-

душной перспективы занимали художника.

Основными точками диагонали на данной картине стали лодка в нижнем правом углу, крыша домика, кусты на скале. Диагональное построение композиции подчеркнуто косою полосой дождевого потока, изображенного на горизонте. Это также было новаторством Щедрина, до него, как упоминалось выше, русские живописцы редко оживляли свои произведения изображением каких-либо климатических явлений или характерных для данной местности и времени года природных особенностей.

Щедрин же изображает природу живой и переменчивой. На легкие кучевые облака набегают более тяжелые. Они закрывают солнце, но отблеск солнечных лучей еще остается на кромке воды. Цвет моря также меняется, ближе к горизонту оно более синее, на первом плане зеленоватого оттенка.

Таким образом, пейзаж у Щедрина оживает, становится реальным, бытовая сценка, изображенная на первом плане (рыбаки, вытаскивающие сети и женщина с ребенком за ними наблюдающие с берега) добавляет правдоподобности.

Видимо, именно благодаря этой способности художника запечатлеть не только вид, но и определенное настроение, среди русской знати, путешествующей по Италии, и иностранцев появилось много желающих заказать небольшие картины Щедрина как воспоминание о «Bella Napoli» и его окрестностях. У художника не было недостатка в заказах, и в последние годы своей жизни из-за участившихся приступов болезни он не успевал выполнять все в срок. Приходилось переписывать одни и те же виды, и Щедрин жаловался в одном из писем к брату: «Как тяжело моему сердцу писать картину, чтобы поддержать имя честного человека».⁵

Возможно, по желанию одной из своих заказчиц, графини Разумовской⁶, Щедрин начал разрабатывать еще один часто встречающийся мотив своего творчества – изображение веранд и террас, освещенных солнцем. Именно таков сюжет следующей

анализируемой мной картины – **«Терраса на берегу моря»**. Этому полотну также присуща камерность и простота композиции. В картине господствует принцип линейной перспективы. Пронизанная солнечным светом терраса уходит вглубь полотна. Слева между каменными столбами открывается вид на залив и скалы. На первом плане расположены фигуры мальчика и юноши, а в правом нижнем углу в тени размещена фигура задремавшего мужчины. На картине, видимо, изображено послеобеденное время суток, солнце уже клонится к горизонту. Как и на большинстве полотен Щедрина, источник света здесь находится за пределами картины, слева сверху. Солнечные лучи падают по диагонали и заливают задний план уходящей вглубь террасы, что придает картине дополнительную глубину.

Мазки становятся более широкими и свободными. Щедрин уже не выписывает каждый листочек виноградных лоз и каждый кирпич в каменной кладке стены, как в более ранних своих произведениях.

В картине замечательно передана игра светотени, есть ощущение воздушного пространства. По колориту картина сочетает в себе теплые тона террасы и холодные – морской воды. Цвет не локален, а изменяется под воздействием света, льющагося сквозь сетку виноградных листьев. Бледное, чуть порозовевшее у горизонта небо удивительно реально. Белые столбы террасы, обветшалые от времени излучают множество цветовых оттенков. Таким образом, по картине «Терраса на берегу моря» хорошо заметна дальнейшая эволюция Щедрина как мастера пейзажной живописи.

Две рассмотренные нами картины являются наиболее характерными примерами зрелого творчества Щедрина. Надо отметить, что за 1825–1830 гг. художник создал вдвое больше, чем за предыдущие 15 лет. Здесь его мастерски выполненные творения: цикл веранд, каприйский, амальфитанские и особенно замечательные соррентийские пейзажи, позволившие А. Бенуа охарактеризовать Сильвестра Щедрина как

«одного из самых лучших мастеров, которые дала Россия» и «эллины в душе».⁷

Завершая статью, попробую слегка прикоснуться к теме «Щедрин и его время», то есть рассмотреть, какие художники-пейзажисты являлись современниками Щедрина, что между ними общего, кто был последователем Щедрина в разработке данной темы. Именно ей была посвящена выставка, состоявшаяся весной 2007 г. в Сорренто (Италия) в рамках открытого фестиваля искусств «Черешневый лес».⁸

В Италии Щедрин оказался ближе всего к художникам школы Позиллиппо. В рамках этой школы объединилась группа пейзажистов, писавших с натуры и работающих преимущественно в окрестностях Неаполя в 1820-е – 1840-е гг. Основателем этой школы считается голландский художник А. Питлоо, с произведениями которого Щедрин был хорошо знаком и о котором достаточно одобрительно отзывался («Живопись его небрежна, но столь приятна, что я целый час смотрел на его картину с удовольствием»). Также Щедрин хорошо знал еще одного представителя школы Позиллиппо – Джачинто Джиганте, который даже просился к нему в ученики. Если попробовать сравнить картины вышеназванных художников, рисовавших почти те же виды Неаполя и его окрестностей, с произведениями Щедрина, то последние, с моей точки зрения, выглядят более живыми и реальными. Щедрин, несомненно, во многом превосходил этих живописцев во владении композиционными приемами и в отображении свето-воздушной перспективы.

Современниками Щедрина были такие выдающиеся пейзажисты, как Уильям Тёрнер и Камиль Коро. Оба путешествовали по Италии как раз в 1820-е гг. и соответственно в их творчестве также отразилась итальянская тема. Щедрин достаточно далек от них обоих. Искусство Щедрина более камерно, чем полотна Тёрнера. Он не достиг еще свободы мазка представителя Барбизонской школы, Камилля Коро. Хотя надо отметить, что в самых последних своих картинах, со-

зданных незадолго до смерти, Щедрин еще более внимательно относится к колориту, который становится теплее и мягче, а мазки его делаются шире и свободнее. См., напр, «В окрестностях Сорренто близ Каstellамаре» (1829).

Сильвестра Щедрина называют художником русского романтизма и в то же время говорят о реалистических основах его живописи. Несомненно, Щедрин стал первопроходцем и родоначальником русской пленэрной живописи. За свою недолгую жизнь он создал достаточно много небольших полотен (в основном пейзажи итальянского побережья вокруг Неаполя) и всего несколько крупных полотен. Сам Щедрин в одном из последних писем к брату Аполлону писал о своей работе так: «Господ же русских, желающих иметь мои труды, постараюсь удовлетворить помаленку, у меня много в голове что сделать, да не успеваю, пишу все с натуры, отчего много требует время».⁹

Из русских живописцев тему итальянского пейзажа разрабатывали в 1830-е гг. М.И.Лебедев, а в 1840-е гг. Александр Иванов. Они писали преимущественно пейзажи римских предместий: Тиволи, Альбано.

Их отличает более свободный мазок, а Иванова и более богатый колорит, и нестандартные композиционные решения. Однако важно отметить, что именно начиная с С.Щедрина, русские художники-пейзажисты основывались на непосредственном восприятии и воспроизведении природы с натуры.

Примечания

¹ См.: Михайлова К.В. Сильвестр Феодосиевич Щедрин. Л., 1972. С. 6–7; Петинова Е.Ф. Феодосий Федорович Щедрин. Л., 1977. С. 36–37.

² Щедрин Сильвестр. Письма. М, 1978. С. 20.

³ Усачева С. Сильвестр Щедрин // Великие имена. Из собрания Государственной Третьяковской галереи. 2007. № 10. С. 9–11.

⁴ Ацаркина Э.Н. Сильвестр Щедрин. М., 1978. С. 170.

⁵ Переписка Сильвестра и Аполлона Щедриных. Италия – Россия. 1825–1830. СПб., 2001.

⁶ Щедрин Сильвестр. Письма. С. 125.

⁷ Бенуа А.Н. Русская школа живописи. М., 1997. С. 87.

⁸ Свет Италии. Сильвестр Щедрин и его современники. Живопись, рисунки и акварели из собрания Русского музея. СПб., 2007.

⁹ Переписка Сильвестра и Аполлона Щедриных. С. 35.

Планы выставок

Государственной Третьяковской галереи на 2008 год

3 марта

**Выставочный проект «ЗОЛОТАЯ КАРТА РОССИИ»
Серпуховский художественный музей**

Выставка открыта с 4 марта по 6 апреля

Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 2-й этаж

4 марта

Н.А.Мамонтов

Выставочный зал в Толмачах

Выставка открыта с 5 марта по 30 марта

Малый Толмачевский переулок, 6, стр. 1

О.Ю. Солодянкина

Как знали и как преподавали историю иностранные гувернеры и гувернантки в России (XVIII— первая половина XIX в.)

Домашнее воспитание с использованием бонн, гувернанток и гувернеров, пережив периоды расцвета и упадка, просуществовало вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Девочку гувернантка воспитывала вплоть до взросления (например, выхода замуж), мальчиком занималась до 5–7 лет (в исключительных случаях и позже), после чего он переходил в руки гувернёров или учителей. Гувернер должен был научить мужским практикам поведения и дать знания. Входила ли история в круг необходимых предметов изучения, преподавали ли ее иностранные наставники, как они сами знали этот предмет, чему учили русских воспитанников и к каким это приводило последствиям, – вот вопросы, которые я попытаюсь осветить в данной статье.

Первые свидетельства о деятельности иностранных наставников на ниве исторического просвещения отрывочны. Известно, что царевич Алексей Петрович, у которого было несколько иностранных наставников, ознакомился с курсом «Discours sur l'histoire universelle», написанным специально для дофина, а его сын царевич Петр Алексеевич получил в качестве воспитателя Андрея Ивановича Остермана, который «благоприятно влиял на молодого наследника престола, во многом формировал его внутренний мир»¹. Он создал весьма обширную программу обучения Петра Алексеевича, которая состояла из 11 параграфов и была рассчитана на четыре года». Самыми важными предме-

Ольга Юрьевна Солодянкина – кандидат исторических наук, г. Череповец.

тами А.И. Остерман считал иностранные языки, особенно латынь, а из других наук «выделял как наиболее важные для будущего государя – историю, которую он называл «наукой государственного благоразумия», различные виды управления государством, права и обязанности верховного и земского начальства, учение о союзах, о посольском праве, о войне и мире, о военном искусстве. В остермановскую систему входило изучение литературы, математики, географии, физики, архитектуры, а также геральдики и генеалогии»². Особое внимание уделялось изучению опыта правления деда – Петра Великого. Остерман определил и методику занятий: уроки проходили в форме разговоров и бесед, а после часа занятий следовали отдых и забавы.. Кроме того, Петру рекомендовалось вести дневник и отмечать в нем важные места из прочитанных книг. В теории все смотрелось неплохо, но практика отличалась от замысла кардинальным образом. Возьмем на заметку: для будущего крупного государственного деятеля обучение истории считалось необходимым уже в первой трети XVIII в. Какова же была ситуация в среде широких кругов дворянства?

Возможность домашнего обучения была предоставлена лицам дворянского происхождения по закону от 9 февраля 1737 г., говорившего «о бытии недорослям до двадцати лет возраста их в науках»³. Для проверки результатов родители обязывались отправлять детей на смотры, причем после очередного смотра в шестнадцатилетнем возрасте у успешных дворянских отпрысков обучение

могло снова продолжаться дома; при этом акцент делался на географии, фортификации, истории. На последнем смотре двадцатилетний юноша, поступающий на военную или (реже) гражданскую службу, должен был продемонстрировать знание именно этих предметов, т.е. географии, фортификации, истории. Таким образом, история вкупе с географией, а также фортификация «венчали» обучение дворянских недорослей. Получается, осваивали историю только самые способные, ведь признанные на предыдущем смотре «неспособными к наукам» обучение заканчивали и поступали на службу, так до истории и не добравшись. Обучением недорослей занимались домашние наставники, которых в середине (да и во всю вторую половину) XVIII в. найти было крайне трудно.

Были среди них и настоящие специалисты: так, из Германии в семейство Разумовских, к сыновьям последнего украинского гетмана Кириллы Петровича Разумовского, был приглашен наставник, известный впоследствии ученый, профессор Геттингенского университета Август Шлёцер, специалист по истории. Правда, юным Разумовским первоначально историю преподавал их главный наставник, француз Бурбье, а Шлёцер вел географию, но, почувствовав недостаток своих знаний, Бурбье перепоручил историю Шлёцеру, доплачивая ему за это из своего кармана 100 рублей в год. Особенно нравились занятия у Шлёцера Андрею Разумовскому, впоследствии светлейшему князю, профессиональному дипломату. Шлёцер вспоминал: «когда наступало время общего отдыха, забирался он ко мне в комнату, и целые часы говорил со мною, не по летам умно, про статистику и историю»⁴.

Индивидуальная программа обучения была составлена для обучения сына графа Б.П. Шереметева Николая (родился в 1751 г.); автором ее был Якоб Штелин, профессор Петербургской Академии наук. Документ 1764 г. включал в себя рекомендации, какие предметы изучать, чтобы быть христианином, человеком благоразумным, гражданином мира и своей страны, впоследствии стать

придворным или военным и землевладельцем. Для реализации означенных целей предлагалось дать воспитаннику «общее представление о церковной истории» и преподавать краткий курс всеобщей истории, «кратко изложить ему историю его страны», чтобы потом, в свете, он мог судить «о современной истории европейских и азиатских государств»⁵. В конкретном «Плане повседневных занятий на первое полугодие» Я. Штелин рекомендовал наставнику для изучения истории взять книгу С. Пуфендорфа (или краткий вариант всеобщей истории Фрейера, или синхронические таблицы Берже). Для занятий всеобщей историей отводился один час (с 10 до 11 утра) по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам, истории (совместно с географией) Российской Империи отводилось полчаса (с 10.30 до 11) по средам и субботам. Параллельно в послеобеденное время предполагались занятия древностями и мифологией, для чего рекомендовались «Объясненная древность» Б. Монфокона, «Сокровища античности» Грева и труды с описаниями древнего Рима⁶. Заметен «перекос» (в том числе временной и по обеспечению пособиями) в сторону изучения всеобщей истории.

Убедившись в низкой квалификации и вопиющих нравственных качествах иностранных гувернёров, 29 апреля 1757 г. Елизавета Петровна повелела, а Сенат 5 мая 1757 г. издал указ: для всех иностранцев, желающих заниматься частным обучением на дому или в частных школах, вводились предварительные испытания (экзамены) при Академии наук в Петербурге или при Московском университете, после чего можно было заниматься педагогической деятельностью. За нарушение указа полагался штраф в 100 рублей с того, кто взял такого наставника в дом, сам же иностранец подлежал высылке за границу⁷. В условиях дефицита наставников никто не стремился четко выполнять указ, а лица, строго следующие букве закона, смотрелись исключением.

Семья генерал-майора А.В. Тучкова, переведенного в 1774 г. из Выборга в Киев,

при переезде задержалась в Петербурге, чтобы приискать детям «хорошего учителя». Отец, как это было принято в то время, подал в газету объявление, «чтоб человек, знающий хорошо французский и немецкий язык, а также историю и географию и желающий принять на себя должность учителя, явился к нему». Показательно, что история, с точки зрения профессионального военного Тучкова, – необходимый предмет знания гувернера. А ведь многие другие дисциплины из числа необходимых тем же Тучковым удалялись: словесность, стихотворство и музыку считал он пустым делом, теологию и философию – занятиями, неприличными для военного человека, а латынь – языком, нужным «только для попов и лекарей»⁸. Вот в такой системе ориентиров и должен был существовать наставник в этой семье. Из той же серии – сохранившийся договор 1761 г. на «оказание образовательных услуг» гувернером де Пексоном внуку Анны Ивановны Нелединской-Мелецкой Юрию, где француз берет на себя обязательство преподавать мальчику французский язык, «арифметику и подобные приличные науки, как хронологию, историю древнюю и временную, географию и познание сферы, итальянский язык и латинский язык»⁹.

Обучение девочек было еще более поверхностным, но отрывочные знания по французской истории их гувернантки считали необходимыми для образования барышень, которым потом предстояло «блистать в свете». Оценивая тогдашнее образование, граф Ф.П. Толстой, масон и художник, знаниям которого можно доверять, так писал о жене своего внучатого дяди графа П.А. Толстого, урожденной княжне Марье Алексеевне Голицыной: «Научное же образование её, как всех дочерей знатных придворных особ и всех богатых людей высшего дворянства, ограничивалось только умением *говорить* по французски, написать *поженски* довольно правильно письмо, запяточку на этом языке, совершенным незнанием русского языка или весьма плохим умением говорить на отечественном языке. Что

касается до наук, то они (сестры М.А. Голицыной София и Елизавета, брат Егор – О.С.), по слухам, знали название некоторых из них и могли рассказать кой-что о бывшем парижском дворе Людовика XVI и Париже, о Лондоне, Вене и Берлине по сведениям, тоже по слухам приобретенным». Но особым вниманием наставниц пользовалась история Людовика XIV: «золотой век» Франции был столь привлекателен своим блеском, что если девочки усваивали что-то из истории, то только имена деятелей этого периода.

Оценивая ситуацию в первое десятилетие XIX века, Ф.Ф. Вигель писал: «вместе с версальскими предрассудками вошла у нас в моду и французская литература; в высшем обществе знали наизусть классических её авторов и век Людовика XIV ставили выше веков Августа и Перикла»¹⁰. История вообще воспринималась как набор анекдотов (в смысле происшествий, имевших место в прошлом, совсем не обязательно смешных), и поэтому обрывки исторических сведений присутствовали при преподавании географии. С.А. Тучков, отмечая в целом неудачную педагогическую манеру своего гувернера, обращал внимание на то, что «личный контекст» мог исправить даже откровенные недостатки: «На уроке географическом был он довольно привлекателен, ибо о многих городах рассказывал исторические анекдоты, но прибавлял иногда и свои приключения, в некоторых из оных с ним последовавшие, что очень казалось занимательным для детей моего возраста»¹¹. Граф Жозеф де Местр, сардинский посланник в Петербурге, в письме министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому выражал общее мнение, считая, что история – в книгах, но не должна быть особым предметом преподавания: «Никогда история не входила ни в какую систему народного образования как предмет учения, требующий отдельного профессора. Бывали иногда специальные кафедры истории, поручаемые людям талантливым, которые более *рассуждали об истории*, чем учили истории. Но это было свободное преподавание, открытое для же-

лающих. История – в книгах; желающий изучить ее должен читать»¹².

Контрастом на этом фоне смотрелось образование серьезное: Елена Павловна Фадеева, урожденная княжна Долгорукова, «любила серьезные положительные знания и неустанно училась. Она говорила на пяти языках; знала историю, естественные науки; занималась археологией, нумизматикой, ботаникой и занималась ими, не как «*дама любительница*», а положительно, на практике, составляя редкие, драгоценные коллекции, исписывая томы, состоя в ученой переписке <...> с европейски-известными натуралистами»¹³ (стоит заметить, что внуками Е.П. Фадеевой, воспитывавшимися под присмотром бабушки, в частности, были известная теософка Е.П. Блаватская и граф С.Ю. Витте).

Подобные серьезные занятия были редкостью, потому что формировался имидж «ученой девушки», что затрудняло выбор брачного партнера. А. Бутковская, родившаяся в 1800 г., вспоминала, что в 1820-е гг. была «под настроением республиканских идей, но не современных, а заимствованных из мира Греции и Рима. Конечно, этот взгляд был последствием уроков моего бывшего учителя швейцарца, возросшего на идеях восемнадцатого века. Моя мать и братья заботились о составлении мне партии, но я, занятая спартанцами, с пренебрежением смотрела на женихов, возмущавших меня своей прозаичностью и мелкими современными взглядами. Ни один не подходил под идеал мой, составленный по портретам мужей Плутарха. Для того, чтобы произвести впечатление на подобную девушку, надо было также хорошо разбираться в истории. Ее будущий супруг «зацепил» ее внимание тем, что «свел разговор на любимую мою тему, причем довольно остроумно отметил смешные стороны моих героев. Я не вытерпела и, выразив негодование на то, что я называла кощунством, стала горячо защищать доблести римлян»¹⁴.

Восприятие истории, как прежде всего истории всеобщей, а не истории России, связано с несколькими причинами. Первое: для преподавания других предметов часто

приглашались специальные учителя, а историю преподавали обычно сами иностранные наставники. Приведем здесь типичные свидетельства. Детей князя Н.Г. Репнина-Волконского (брата декабриста) обучали в соответствии с подобными традициями: уроки истории, географии и арифметики давала девочкам гувернантка мамзель Вильдермет, для других предметов приглашались специальные учителя¹⁵. Примерно то же писал И.А. Раевский: «Французский язык и история были нам гораздо более знакомы и близки (чем русские – О.С.), благодаря влиянию гувернеров-французов»¹⁶. У сестер Тучковых все предметы вела одна и та же гувернантка мадам Moreau de la Meltiere: «Она не умела нас заинтересовать и только, чтобы занять нас, задавала нам много читать из истории и мифологии, и требовала, чтобы мы делали извлечения, за которые мы не знали, как и приняться»¹⁷.

История «пронизывала» досуговые практики тех, кто воспитывался иностранными наставниками. Василий Бобарыкин признавался, что у него, подростка, было слишком развито воображение, «с 10-летнего возраста привыкшего питать себя образцами героев Илиады, с которыми, благодаря внушениям моей учительницы, Швейцарки m-lle Serment из Женевы, познакомился по Илиаде в прозаическом переводе M-me Dacier»¹⁸. В семье Чайковских в Воткинске французская гувернантка Фанни Дюрбах по субботним вечерам «читала детям вслух из книги Мишеля Массона о детстве знаменитых людей. Пете, будущему великому композитору, особенно запомнилась история Жанны д'Арк, простой пастушки, спасшей свой народ от чужеземного ига»¹⁹.

Человек живет в культурном пространстве тех текстов, которые он прочитал. Когда русские люди конца XVIII–начала XIX в. (особенно дамы) жили литературой Франции, знали наизусть имена придворных Людовика XIV, их интриги, – получалось, что происходила отсылка не к России, а к другой стране; историко-культурная память отсылала к истории Франции, но не России. Так

русский дворянин приобщался к культуре другой страны, меняя (корректируя или даже теряя) свою идентичность, становясь уже не в полном смысле слова русским.

Эта угроза потери русской идентичности осознавалась многочисленными современниками. В записке, показанной императору, так формулировал свои мысли Ф.В. Булгарин: «Отданные с детства на руки французским гувернерам (в числе коих весьма мало достойных воспитателей), молодые русские дворяне под их руководством учатся только многим языкам, получают поверхностное понятие об истории и других науках и, переняв совершенно образ мыслей своих воспитателей, на 17 или 18 году вступают в свет, не имея никакого понятия о людях и вещах и вовсе не зная России. Они всех людей, даже китайцев, почитают французами, смотрят не всё французскими глазами и судят обо всём на французский манер. Всё, что было и есть во Франции, кажется им совершенным и применимым повсюду. Верх мудрости почитают они правила французских энциклопедистов, которые и называют *философией*»²⁰.

Опасность осознавало и правительство, особенно после урока 14 декабря. По Уставу учебных заведений 1828 г. учителями (в том числе частными) допускались быть лишь лица, получившие от учебного начальства свидетельства на право преподавания.

Рубежным в рамках реализации курса Николая I на формирование национального, русского сознания в воспитании и обучении явился 1834 г. 25 марта 1834 г. было подписано Высочайшее повеление «О воспрещении принимать иностранцев обоюбого пола без надлежащих свидетельств в дома дворян, чиновников и купцов, в учительские, наставнические и гувернерские звания», а следом началась жесткая регламентация деятельности наставников, в том числе иностранных, что, в конечном счете, привело к изменению самого характера домашнего воспитания.

Требования к домашним наставникам ужесточилась, а проводимые испытания были серьезной проверкой знаний потенциаль-

ных воспитателей. Они должны были проходить испытание в университете, лицее или гимназии (в губерниях, где нет высших учебных заведений), предъявив метрические свидетельства и одобрительные отзывы о поведении и нравственных качествах из тех заведений, где воспитывались, или от начальства тех мест, где жили; во время испытаний ответить словесно на несколько вопросов по каждому из предметов, которым намерены обучать (вопросы можно было выбрать самим из числа предложенных комиссией, ещё несколько вопросов могли быть заданы членами комиссии импровизированно); после устного ответа написать нечто вроде краткого сочинения на заданную тему на русском или на одном из новейших европейских языков. Сверх того, требовалось дать пробную лекцию в присутствии всех испытателей.

Протокол испытания, с приложением письменных ответов и сочинения, а также свидетельства о крещении и прочих требуемых документов передавался попечителю учебного округа для принятия окончательного решения; если испытание проходило в гимназии, то сначала документы получал университет, где специальная комиссия изучала протокол и все материалы, а потом с собственным заключением передавала их попечителю учебного округа. Только после этого гувернантка получала свидетельство на звание домашней учительницы, гувернер – свидетельство на звание домашнего учителя. За него полагалось заплатить 40 рублей ассигнациями. Желаящие быть наставниками писали в заявлении, каким предметам они хотят обучать детей (в основном французскому, реже немецкому и английскому языкам), и, что характерно, история (понимаемая как всеобщая история) в качестве возможного предмета фигурирует лишь в исключительных случаях, причем в Москве таких случаев больше, чем в Петербурге.

Насколько основательно проверялись на таких испытаниях знания по истории, оценим по материалам испытаний 1846 г. Вильгельма Невилля (Ивана Нёвеля), подданного Великобритании, родившегося в Манчестере

в 1809 г. Основной предмет испытания – английский, но дополнительно Невилль сдавал историю, географию и арифметику, по нему экзамен проходил в несколько этапов (7 и 28 марта 1846 г.). На экзамене по истории (дополнительный предмет!) Невиллю было предложено рассказать: 1. О возвышении Юлия Цезаря; 2. О завоеваниях Карла Великого; 3. О Семилетней войне²¹. На испытаниях могли задаваться и другие наборы вопросов: 1. История Рима во время Мария и Суллы; 2. Войны англичан и французов в царствование Карла VI и Карла VII; 3. Семилетняя война²². В провинции число вопросов возрастало. Так, педагогический совет Новгородской губернской гимназии, проводя испытание девицы Эмилии Гросс на звание домашней учительницы русского, французского и немецкого языков, предложил ей такие вопросы по истории: 1. Обзорные истории Египта; 2. О финикиянах; 3. О войнах греков с персами; 4. О самых важных происшествиях XV столетия; 5. О Карле Великом; 6. О Семилетней войне; 7. Об Иоанне IV Васильевиче; 8. Об императрице Екатерине II²³. Пожалуй, нынешние студенты исторических факультетов сочли бы такой набор вопросов чрезмерным и для госэкзамена, а в 1846–1850 гг. ответов требовали от потенциальных гувернеров, учителей языка!

Подводя итоги, можем констатировать: взгляды на значение истории в воспитании детей претерпели определенную динамику – от уровня занимательных сведений до самостоятельной дисциплины. Иностранцы обычно преподавали историю сами, понимая ее как всеобщую историю. История России начинала отвоевывать себе место в воспитательной практике дворян (и в наборе знаний наставников) только в царствование Николая I, но одновременно правительством осуществлялся курс на «сворачивание» домашнего образования.

Примечания

¹ Михайлов А. Как насаждалась французская культура в России // Исторический вестник. 1910. Т. 122. № 11. С. 616.

² Маркина Л.А. Граф А.И. Остерман: штрихи к иконографии // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999. С.174–175.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т. X. С.43–45.

⁴ Васильчиков А.А. Семейство Разумовских: В 5 т. СПб., 1880. Т.2. С.7.

⁵ Общий план воспитания и увеселения молодого кавалера от 12-13 до 14 лет // Граф Николай Петрович Шереметев. Личность. Деятельность. Судьба / Сост. и предисл. Г.В. Вдовин. М., 2001. С.217–218.

⁶ План повседневных занятий на первое полугодие // Граф Николай Петрович Шереметев... С.219–221.

⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т. XIV. С.765.

⁸ Тучков С.А. Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания / Изд. подг. В.М. Боковой и Н.И. Цимбаевым. М., 1996. С.171, 173.

⁹ Нелединский-Мелецкий Ю.А. Очерки его жизни, бумаги и переписка его // Русский архив. 1867. № 1. Стб. 107.

¹⁰ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С.53.

¹¹ Тучков С.А. Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания / Изд. подг. В.М. Боковой и Н.И. Цимбаевым. М., 1996. С.172.

¹² Письмо графа Иосифа де-Местра о народном образовании к графу Разумовскому, министру народного просвещения, от 11 июня 1810 г. // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских: В 5 т. Т.2. СПб., 1880. С.260.

¹³ Желиховская В.П. Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835-1842 гг. // Русская старина. 1887. № 3. С.764.

¹⁴ Бутковская А. Рассказы бабушки // Исторический вестник. 1884. Т.18. №12. С.617–618.

¹⁵ Из автобиографических записок княжны В.Н. Репниной // Русский архив. 1897. Кн.2. № 7. С. 489.

¹⁶ Раевский И.А. Из воспоминаний И.А. Раевского (1815–1830 гг.) // Исторический вестник. 1905. Т. 101. №. 8. С. 398.

¹⁷ Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания / Вступ. статья, редакция и примеч. С.А. Переселенкова. Л., 1929. С.37.

¹⁸ Бобарыкин В.В. Три встречи с М.Ю. Лермонтовым // Русский библиофил. 1915. № 5. С. 71.

¹⁹ Кунин И.Ф. Петр Ильич Чайковский. М., 1958. С.27.

²⁰ Булгарин Ф.В. О цензуре в России и о книгопечатании вообще // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В.Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И.Рейтблата. М., 1998. С. 46.

²¹ ЦГИА СПб. Ф.139. Оп. 1. Д. 4970. Л. 9.

²² Там же. Д. 4971. Л. 9.

²³ Там же. Д. 5445. Л. 10.

А.Д. Гомбожапов

Тюрко-монгольские кочевые державы: особенности исторического развития в контексте трудов Л.Н. Гумилева

Огромный читательский интерес к произведениям Л.Н. Гумилева, которые, казалось бы, в силу своей научной направленности должны были стать достоянием лишь научных работников и специалистов, привели к тому, что на протяжении уже более полутора десятилетий книги Гумилева имеют устойчивый спрос и выпускаются невиданными тиражами. Его имени посвящаются научные конференции. Немало авторов пытается сделать и себе имя на развитии концепций Гумилева. «Его идеи служат основой идеологий политических партий и движений, становятся стержнем новых образовательных программ и курсов. Термины, пущенные в оборот, сегодня наводнили не только научный лексикон, но и бытовую речь» [Шнифельман, 2006, с. 4].

В настоящее время в отечественной историографии фиксируется довольно большой методологический разброс в изучении и отражении объективной исторической действительности, что связано в первую очередь с крушением долгое время существовавшего в общественных науках «единственно верного» исторического материализма. Образовавшийся научно-инструментальный вакуум стал заполняться как новыми подходами, так и теоретическим переосмыслением богатого дореволюционного и «буржуазного» историософского наследия. В частности, в общественно-политических кругах приобрело актуальность евразийство, в связи с чем стали переиз-

даваться труды «классических» евразийцев, отличавшихся оригинальной трактовкой истории и путей самоопределения Российского государства. Не стали исключением и произведения «последнего евразийца» Л.Н. Гумилева, разделявшего взгляды П.Н. Савицкого.

В научном наследии Гумилева принято выделять различные периоды, отражающие эволюцию его взглядов. Большинство его собственно исторических и историко-географических работ проделаны на основе материалов о кочевых народах, что послужило в дальнейшем теоретической базой для понимания всеобщих закономерностей мировой истории, ее единства в многообразии путей развития, формирования его концепции этногенеза.

Своеобразный путь исторического развития кочевых обществ, со своими ритмами, расцветами и упадками, представляет довольно сложную проблему для интерпретации движущих сил, внутренних источников развития, обусловленности истории кочевых обществ в контексте всемирно-исторического развития. Такая форма производящего хозяйства, как экстенсивное скотоводство, определила принципиальное отличие саморазвития кочевников и оседло-земледельческих цивилизаций. Построение объяснительной модели требует учета не только противоречий социально-экономического развития кочевого общества, но и влияния на него внешних причин: соседства оседло-городских цивилизаций, окружающей среды, изменений природно-географических условий; последнее стало отправным моментом в понимании Л.Н. Гумилевым решающих факторов исторических

Александр Дмитриевич Гомбожапов – аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ.

судеб и процессов у кочевых сообществ Центральной Азии. В современном кочевниковедении тезис Л.Н. Гумилева о том, что хозяйственные и экологические особенности в равной степени составляют специфику феномена номадизм, находит свое подтверждение и дальнейшее обоснование в исследованиях основанных на материалах археологии, истории с привлечением данных почвоведения, палеоэкологии.

Установленная периодизация климатических колебаний позволила Гумилеву сопоставить периоды их кульминаций с периодами активности кочевых народов, тем самым прийти к выводу о корреляции данных процессов. В кочевниковедении эта мысль ученого не нашла сторонников в силу не определяющего характера данного фактора в ритмах расцвета и упадка кочевых империй. Как, пишет Н.Н. Крадин, «... несмотря на стройные схемы, предложенные Л.Н. Гумилевым, современные палеогеографические данные не позволяют сделать однозначный вывод о жесткой корреляции между ритмами увлажнения/усыхания и периодами расцвета/упадка обществ кочевников» [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 113]. Такого же мнения придерживается и В. В. Клименко: «Я полагаю, что климатический контекст монгольских нашествий требует самого серьезного изучения, тем более что получившая широкое распространение концепция усыхания/увлажнения Великой степи оказывается, вообще говоря, неверной: изучение карты увлажненности показывает, что в одно и то же время разные участки степного пространства от Венгрии до Китая имеют неодинаковые (как положительные, так и отрицательные) аномалии количества осадков» [Клименко, 2003, с. 30–31].

Установление степени влияния географической среды, в частности, природно-климатических условий на историко-культурное развитие народов центральноазиатского региона становится приоритетным направлением в работах Л.Н. Гумилева начала 70-х гг. XX в. – серии статей с общим содержанием «ландшафт и этнос». В них, используя свои соображения о сопряженном отношении физико-географических и исторических процессов,

находящихся в функциональном единстве, Гумилев анализирует историю кочевых обществ Центральной Азии.

Основные взгляды и теоретические положения на историю развития кочевых цивилизаций Л.Н. Гумилевым были изложены в его так называемой «Степной трилогии», которая включает в себя работы посвященные истории трех народов Центральной Азии хунну, древних тюрков и монголов средневековья.

В монография «Хунну» (1960) изложена история кочевого этноса от становления до полного его исчезновения с арены мировой политической истории. При этом Гумилев по большей части опирался на данные нарративных источников: «Ши цзи» («Исторические записки») Сыма Цяня (переведенные на русский язык Н.Я. Бичуриным (Иакинфом), Бань Гу «Хань Шу» («История династии Хань»), Фань Е «Хоу Хань шу» («История Поздней династии Хань»).

Согласно этим источникам происхождение народа хунну автором видится в слиянии перешедших с южной окраин пустыни Гоби на северную племен хяньюнь и хунной с автохтонным населением (культурой плиточных могил). Хотя это предположение не находит достаточной доказательной базы, все же остается наиболее предпочтительным тезис о том, что этническая система хунну состояла из многих компонентов.

В социальной реконструкции общественной организации хунну Львом Николаевичем, в условиях жестко установленных рамок формационного видения социально-экономических процессов, была осторожна высказана идея об особенностях развития кочевых народов. Социальный строй хуннского общества Л.Н. Гумилев определяет как высшую ступень первобытнообщинной формации, имеющий сложную общественную организацию и высокую материальную культуру. Патриархально-родовой строй у хуннов при наличии отличительных качеств и особенностей в сравнительном анализе обозначается термином – геронтократия (власть старейших в роде) [Гумилев, 1960, с. 82]. Хуннская империя, по его мнению, была племенным союзом 24-х родов,

во главе с «шаньюем и иерархией племенных князей «правых» (западных) и «левых» (восточных) [Гумилев, 2002б, с. 86]. В дальнейшем, после раскола империи в 48 г. н.э. на две части: северных и южных, держава северных хунну из «родовой превратилась в антиродовую военную демократию» [Гумилев, 2002 б, с. 91].

По существующим в настоящее время точкам зрения огромную роль в сложении государственности у кочевых народов играл внешнеполитический фактор, послуживший толчком объединительной тенденции для племен. В работах Л.Н. Гумилева этот тезис находится в коррелирующей связи с современными взглядами о политогенезе.

Причина перманентного характера хунно-китайских войн им видится в невозможности сосуществования двух равных империй, ущемлявший статус императора Срединной империи: «... как только была решена проблема менового обмена, война прекратилась, и для обеих держав наступил период экономического роста. Установившееся положение устраивало хуннов и широкие слои китайского народа, но отнюдь не устраивало императорское правительство династии Хань... отрыв правящей верхушки Ханьской империи от народа и его интересов стимулировал кровавые войны, закончившиеся разгромом хуннского народа и падением династии Хань» [Гумилев, 2005, с. 243].

При написании монографии «Древние тюрки» Л.Н. Гумилевым была проделана большая предварительная работа по сопоставлению имен в иноязычных источниках с тюркскими, проведенная совместно с китайстом М. Ф. Хваном. Методы, применяемые автором при исследовании, сводятся к историческому анализу и синтезу в их единстве, что позволило осветить историю трех народов: тюркютов, голубых тюрков (кок тюрк) и уйгуров с точки зрения «единого процесса, образовавшего в аспекте периодизации определенную целостность» [Гумилев, 2002, с. 10].

Основываясь на филологических исследованиях, Л.Н. Гумилев воссоздает картину этногенеза древних тюрков: «Тюрки VI в. (правильнее - тюркюты) – сложносоставной на-

род, сложившийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина, вынесшей из Ордосских степей воинственные традиции своих сяньбийских предков, и тюркоязычного населения Большого Алтая...» [Гумилев, 2005, с. 227]

Процесс создания тюркской державы автор рассматривает в контексте политических событий и коллизий, происходивших у соседних племен и государств. С расширением захваченных территорий и включением в состав каганата новых племен внутреннее устройство претерпевало значительные изменения. Для удержания огромной территории и пресечения сепаратистских тенденций была создана удельно-лестничная система престолонаследия. В ней одновременно были заложены элементы устойчивости и деструктивная составляющая. Что касается общественно-политического устройства тюркских каганатов, то исходя из сложности вопроса и учета проделанной эволюции социально-политической системы оно рассматривается как «...военная демократия, поглотившей родовой строй, и направлена была острием против своих соседей, служивших для нее объектом эксплуатации», а «держава Ашина была некоторым подобием Спарты, но во много раз сильнее и больше» [Гумилев, 2002, с. 72–73]. Отмечается, что источником институтов власти и ее характера послужила военная деятельность: «...именно для войны была создана грандиозная система чиновников, соединяющих в своих руках военные и гражданские функции, – ябгу, шады, тутуки и др. – с наследованием должностей...» [Гумилев, 2002, с. 72] Это определяло также характерные черты быта, мировоззрения, социальных идеалов народа.

По мнению Гумилева, процесс классовообразования после разделения в тюркютских каганатах был незавершен вследствие уничтожения военно-чиновной знати в ходе междоусобной войны или перехода их на службу китайскому императору. Такой взгляд на логику исторических предпосылок хорошо согласуется с точкой зрения С.А. Васютина и других исследователей: «В кочевых империях периодически происходили «откаты» к традиционным клановым ин-

ститутам управления, когда имперские механизмы подчинения номадов внутри степи и экзополитарная эксплуатация земледельцев переставали действовать или становились неэффективными» [Васютин, 2005, с. 57].

Идея об экзополитарной (ксенократической) организации кочевых империй Центральной Азии (Н. Н. Крадин) или системе социально-этнического подчинения (Д. Г. Савинов) соотносятся с соображениями Л.Н. Гумилева о милитаризованной природе степных объединений, в особенности у древних тюрков.

История Великой монгольской империи, несмотря на значительное число работ посвященных данной проблеме, остается все же недостаточно раскрытым феноменом, как по вопросам о причинах возникновения столь обширной империи, так и по оценке последствий. Свой взгляд на становление и развитие Монгольской империи предложил Л.Н. Гумилев, привнесший этнологический подход при рассмотрении этого исторического явления.

Истоки завоевательных войн и этап становления монгольской империи он видит в победе одной из двух возможных социальных организаций в степи – орды и конфедерации племен, то есть народа-войско – народа-племени. Образование общемонгольского государства в результате межплеменной борьбы предопределило дальнейшие войны со своими противниками. Причины войн с оседло-земледельческими государствами у Гумилева часто сводятся к неадекватному восприятию тех или иных поступков у монголов и других народов, так «из-за убийства послов погибла империя Сун и была разорена Венгрия». Жестокость и уничтожение населения городов объясняются стереотипом поведения монголов, по которому за действия своего правителя ответственность несет все подчиненное население.

Успехи завоевательных войн монголов Гумилев видит не только в их высокой пассионарности, но и в слабости побежденных, выразившаяся в «глубоком кризисе, переломе, затронувшем в XIII в. всю Европу, Ближний и Дальний Восток».

В объяснении деяний монголов XIII в., применяя этнологический принцип, Гумилев гово-

рит о некорректности моральной оценки этих событий, так как описанный им процесс этногенеза имеет характер природный, для одной из фаз которого имеет место быть направленность во вне. В основе такого положения лежит принцип диахронии, что может считаться внесением этнологического понимания в структурные положения цивилизационного подхода.

Таким образом, на наш взгляд, научное творчество Л.Н. Гумилева представляет довольно актуальное наследие, в котором выразились общетеоретические достижения отечественного кочевниковедения того времени, ее тенденции и направления исследований, что представляет уже само по себе значительную историографическую ценность. В то же время взгляды Гумилева на политико- и этногенез кочевых народов Центральной Азии, определивших некий целостный цивилизационный процесс в этом регионе, имеющий в своей основе самодостаточную культуру и самостоятельный оригинальный путь исторического развития, не потеряли своей научной ценности.

Литература

1. Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. Кн. 2. С. 56–71.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. Изд. 2-е. М., 2002.
3. Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи (опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников). Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). Старобурятская живопись. СПб., 2005. С. 590–605.
4. Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Ландшафт и этнос... С. 235–243.
5. Гумилев Л.Н. Хунно-китайская война // Ландшафт и этнос... С. 224–235.
6. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 2002.
7. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 2002б.
8. Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960.
9. Гумилев Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период // Ландшафт и этнос... СПб., 2005. С. 338–352/
10. Клименко В.В. Климат и история в средние века // Восток. 2003. №1. С. 30–31.
11. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М., 2006.
12. Шнирельман В. А. Введение // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 3–7.

О.В. Василенко

Влияние кочевых народов на процесс заселения юго-восточной части Воронежского уезда во второй половине XVII века

Согласно утверждениям многих исследователей, вторжения кочевников являлись одной из основных причин медленного заселения юга России. Данный факт признавали и современники тех событий. Татарские нападения имели очень важное влияние на ход колонизации. Они побуждали правительство строить города и заселять их служилыми людьми. Дореволюционный историк Д.И. Багалей писал о том, что заселение южных территорий проходило медленными темпами именно из-за татарских набегов: «Новые места, смотревшие прямо в степь, теперь еще не были столь безопасны, чтобы могли заселяться вольными переселенцами; ... этому препятствовали те же постоянные татарские набегии»¹. Изучение вторжений кочевников необходимо для определения причин сравнительно позднего и медленного заселения края, а также для установления их влияния на процесс движения населения южной окраины России с середины XVII в. в связи с основанием новых поселений и начальным этапом их существования.

Основные массы кочевников, опустошавших южнорусские земли, были представлены крымским и ногайскими татарами. Ногайская Орда отделилась от Золотой Орды в конце XIV – начале XV в. Крымское ханство с XV в. проводило самостоятельную политику. Во второй половине XVI в., в результате присоединения к России Ка-

¹ Ольга Валерьевна Василенко – соискатель кафедры отечественной истории Воронежского государственного педагогического университета.

занского и Астраханского ханств, выделились Ногаи Большие, Ногаи Малые и Алтыулская Орда. Кочевья Ногайской Орды занимали территории от Нижней Волги до Аральского моря и между реками Дон и Кубань. В XVII в. происходил дальнейший распад ногайских орд на более мелкие орды и улусы. Часть из них признавала зависимость от России, часть подчинялась Крыму, часть Калмыцкому ханству, образовавшемуся к середине XVII в.².

Набеги калмыков приобретают в то время все большее значение. Население Калмыцкого ханства составляли выходцы из Центральной Азии (Джунгария). Они откочевали к границам Российских земель и заняли малозаселенные степи в низовьях Волги и Дона.

Таковы были кочевые и полукочевые государства, опустошавшие Воронежский край. Вглубь России кочевники вторгались по четырем основным дорогам. 1) Муравская дорога находилась в верховьях р. Самары, притока Днепра, и с запада дугой огибала притоки Северского Донца; затем пролегла между реками Ворскла и Северский Донец, западнее городов Валки, Ольшана и Золочев. С Белгородской чертой она пересекалась в районе Карпова, Болховца и Белгорода. 2) Изюмская дорога брала начало у истоков р. Самары и вела на север, где восточнее города Изюм была переправа через Северский Донец. Затем Изюмская дорога проходила западнее р. Оскола, причем у верховьев Волчьих вод и р. Нежеголи существовало ответвление на восток через перелаз на р. Ос-

коле к Кальмиусской дороге. Вдоль Изюмского пути стояли города Белгородской черты – Короча и Яблонов. 3) Кальмиусская дорога получила свое название от р. Кальмиус, впадающей в Азовское море, и начиналась от ее истоков. Татары переправлялись через Северский Донец в районе устья р. Боровая и двигались на север между реками Осолом и Айдаром, восточнее Сватовой Лучки и Валук. На Белгородскую черту Кальмиусская дорога выходила в районе Усерд – Ольшанск. 4) Последняя дорога – Ногайская – брала свое начало в низовьях Волги, затем проходила по левой стороне Дона через верховья Битюга. Затем на ее пути возникал Козловский участок Белгородской черты и Тамбовский вал. Далее на север Ногайская дорога, являвшаяся основным направлением вторжений Ногайских орд и калмыков, пролегла по водоразделу рек Польный Воронеж и Цна³. В воронежские земли кочевники попадали по двум основным дорогам – Кальмиусской и Ногайской. Кроме того, существовала масса ответвлений этих путей, по которым отдельные отряды разбредались по различным направлениям. В источниках и исторической литературе пути вторжений татар зачастую обозначаются также терминами «шлях» и «сакма». Они пролегли по водоразделам, поскольку татары избегали растущих по берегам рек лесных массивов, ограничивавших возможность маневра, и переправ через реки, во время которых их конница становилась уязвимой.

Татарские нападения можно разделить на летние и зимние, которые различались по своему характеру. В зимний поход шло большое количество татар – десятки тысяч. Летние были менее многочисленны – до 10000, 1000 или даже нескольких сотен или десятков татар. Во второй половине XVII в. крупные набеги были довольно редки. Основной урон наносился мелкими отрядами кочевников.

Кочевники старались избегать столкновений с русскими войсками. В битву татары вступали только тогда, когда были явно сильнее противника. Впрочем, даже тогда

они не нападали первыми, так как совершали набеги «единственно для грабежа и опустошений, а не для ратных подвигов».⁴ 30 января 1634 г.: «приходили на Тамлык на речку воинские люди тотарова с ногайской стороны человек с дватцать...» (это лишь один из примеров зимних походов татар, нападавших в этот период времени немногочисленными группами)⁵.

В летние походы, как уже говорилось, выходило меньшее количество татар. Обычно выступало не более 10000 – 20000 всадников, которые у границы разделялись на отряды по 1000 человек в каждом. Эти отряды разведывали, где лучше напасть, а затем войско объединялось и нападало вместе. Один из примеров летних походов – нападение на село Усмани Собакино 15 июня 1634 г.: «в степи воинских людей тотарова человек з двести шли по Ногайской стороне по речке по Хаве прямо к Усмани»⁶.

В течение XVII в. татары ни разу не задавались целью территориального захвата. Больше всего их интересовали пленники, конские табуны и «животинные» стада (крупный и мелкий рогатый скот). В общей сложности материальный ущерб от татарских рейдов был очень значителен⁷.

Постоянные военные набеги, во время которых разорялись новые поселения, угонялись пленники и скот русских крестьян-переселенцев, значительно замедляли заселение южных окраин Московского государства. А в новых землях особенно нуждались поместное дворянство, являвшееся основной опорой царского самодержавия и составлявшее тогда костяк вооруженных сил страны.

Население юго-восточной части Воронежского уезда, занимавшееся мирной хозяйственной деятельностью, одновременно вело мужественную борьбу с татарами. Роль государства в этой борьбе первоначально была не слишком велика. Москва не заботилась серьезно об обороне уездов полевой окраины, ограничиваясь традиционной сторожевой службой, которая постепенно утрачивала общероссийские органи-

зационные формы и значение. Перед правительством возникает задача – защитить южные рубежи государства на принципиально новом организационном уровне. С этой целью в 1635 г было предпринято строительство Белгородской черты, завершённое в 1658 г.

Во второй половине XVII в., после сооружения Белгородской засечной черты, центральные районы России оказались защищенными от татарских опустошений. Однако города на черте и земли за чертой постоянно подвергались нападениям. Рассмотрим некоторые показательные примеры нападений кочевников на Воронежские и ближайшие земли.

В период с 1653 до 1659 г. не зафиксировано крупных нападений на южные границы России со стороны Крымского ханства. Это было связано с участием Крыма в войне против Польши на стороне Богдана Хмельницкого. Однако после того, как в сентябре 1658 г. украинский гетман И. Выговский подписал Гадячский договор о передаче Украины под власть Речи Посполитой и заключил союз с крымскими татарами, произошло одно из крупных нападений татар. 28 июня 1659 г., русские войска потерпели поражение от объединенных сил И. Выговского и крымского хана под Конотопом. Татарам открылся путь в Россию в обход укреплений Белгородской черты. От Конотопа татарские отряды направились в Рыльский, Путивльский и Новгород-Северский уезды, а 26 июля из-под г. Гадяча двинулись в набег их главные силы. Политическая обстановка на Украине позволила татарам начать свой рейд не с юга, как раньше, а из района западнее Белгородской черты. На их пути не было серьезных укреплений. В пределы Белгородского разряда они проникли с северо-запада. Взятый в плен татарин сказал, что с ханом идут 50 тысяч татар и 10 тысяч черкас – сторонников И. Выговского. Крымские татары прошли через Орловский, Мценский, Чернский, Новосильский, Ефремовский, Ливенский, Елецкий уезды, вторглись на территорию Воронежского

уезда. В Воронежском уезде татары разорили Карачунский монастырь, живших при монастыре «крестьян и бобылей с женами и с детьми побрали в полон, и дворы их пожгли ж, а пожитки разорили»⁸. Захватив пленных и «животинные» стада, кочевники ушли из России по Кальмиусской дороге⁹.

В 1658 – 1660 гг. татары произвели несколько нападений и с южной стороны Белгородской черты. В сентябре 1658 г. несколько сот татар пытались прорваться в Воронежский уезд по мосту через р. Усмань у села Усмань-Собакина. Усманские атаманы вместе с драгунами города Орлова отбили татар. Затем у села Гололобова татар отбили крестьяне. Тот же отряд пытался переправиться через р. Воронеж, южнее города, но и здесь потерпел поражение. 7 сентября татарам удалось преодолеть укрепления Белгородской черты восточнее г. Воронежа. Они вторглись в село Репное и деревню Придачу но, встретив настойчивое сопротивление населения, стремительно ушли назад, в степь, «тем же проломным местом». Они увели свыше 20 пленников. В 1659 г. о постоянных татарских «приходах» к черте сообщают воеводы Усмани, Орлова. 8 августа 1660 г. произошел ожесточенный бой на земляном валу севернее г. Усмани между усманскими служилыми людьми и 300 татарами. Татарская атака была отбита¹⁰. 9 августа 1669 г. татары подошли к «Опасному городку» [г. Орлов – **О.В.**] с целью проникновения. Схватка с кочевниками не обошлась без жертв: «...людей побили, а иных ранили тяжелыми ранами»¹¹. Тем не менее, атака татар была отбита: «И в том, государь, опасном городке караульщики учинили бой и те, государь, тотарове побежали от крепостей в степь»¹².

В 70-е гг. XVII в. татарские набеги участились в связи с обострением русско-турецких отношений, а затем и русско-турецкой войной 1676 – 1681 гг.

В столбцах Разрядного приказа сохранилась выписка, сделанная в 1681 г. для Казанского приказа о нападениях калмыков на южные земли в период с 1675 по 1680 г.

В ней зафиксирована масса вторжений не только калмыков, но и татар на города южной окраины России. Причем очень часто две данные группы кочевников действовали совместно. 18 сентября 1675 г. калмыки отогнали конские стада у жителей Усмани; в тот же день татары и калмыки числом 100 человек подошли к городу Орлову, напали на посад, убили 5 и ранили 13 человек, взяли в полон, конские и «животинные» стада. Следующее сообщение пришло из г. Усмани 30 августа: жители, выехав за черту, наткнулись на отряд калмыков из пятидесяти человек, в результате боя у усманцев погиб один и было ранено восемнадцать человек. 26 марта 1678 г. около 50 калмыков подошли к Девицкому городку возле Усмани, убили двоих и пленили четырех человек. 24 апреля того же года калмыки и татары напали на село Собакино, четырех человек убили и одного взяли в плен.

В 1675 г. татарам удалось переправиться через р. Усмань на Орловском участке Белгородской черты; они преодолели укрепления на западном берегу реки, осаждали Хреновской острожек, проникли в Воронежский уезд. Татарские отряды неоднократно проходили через «проломное место» в земляном валу восточнее Нового Оскола, причем всегда спешили отойти. При нападении на Орлов татары, разрубив топорами надолбы, прорвались к посаду, захватили в плен, убили и ранили на полях многих орловцев и отогнали конские и «животинные» стада. Воевода выступил против них, отбил стада и прогнал татар в степь¹³.

Сохранилась также масса сведений о нападениях татар в период 1676–1678 гг. В 1676 г. к усманским крепостям приходило отряд из 50 калмыков. Кочевники ночью в количестве шести человек проломали ворота и надолбы у Воронежской крепости и хотели похитить стада жителей слободы Придачи; слышав шум, казаки начали стрелять, но они спаслись через свой пролом. Тогда атаманы села Собакина, Воронежского уезда, были посланы воронежским воеводою в степь для наблюдения за

неприятелями и удачно исполнили свою миссию: с собою они привели одного калмыка и четырех русских пленников¹⁴.

За четыре года, с 1676 по 1679 г., воевода небольшого города Орлова получил 107 отписок о нападениях татар. Чаще всего подвергалась их нападением Усмань, реже всего татары появлялись под Воронежем. Одно из нападений на Усмань произошло 2 августа 1680 г., когда «приходили на Усмонь воинские многие люди татаровя и калмыки, вал прорыли и надолбы розломали»¹⁵. Были захвачены пленные, конские и «животинные» стада. Но усманцам удалось отбить полон и стада.

Заключение в 1681 г. Бахчисарайского мира с Турцией не привело к прекращению набегов на воронежские земли. В этом же году под предводительством крымского хана было произведено одно из крупных нападений на окраинные города. Не прекращали своих набегов на воронежские земли и калмыки. Документы Разрядного приказа Российского Государственного архива древних актов, кроме упомянутых, содержат еще большое количество свидетельств о набегах кочевников.

Таким образом, документы второй половины XVII в. содержат массу свидетельств, на основании которых можно сделать вывод о непрерывных опустошительных набегах кочевников на воронежские земли в течение второй половины XVII в. Воронежским служилым людям регулярно приходилось отбивать атаки татар. От татар страдали и арендаторы Воронежских ухажьев и другие люди, решившие заняться хозяйственной деятельностью за чертой. Рассмотренные примеры говорят о тяжелом положении населенных пунктов на черте и в прилегающих районах, а также об опасности, которой подвергались земли южнее Белгородской черты, где не было каких-либо укреплений.

Итак, приведенные факты позволяют заключить об отрицательном влиянии набегов кочевников на ход заселения Воронежских земель. В XVII в. татарские и калмыцкие вторжения оказывали двоякое вли-

яние на процесс продвижения оседлого населения в южные окраины России. Изученные примеры показывают, что жители поселений на юге России подвергались постоянной опасности и часто страдали от налетов кочевников. При этом две главные причины позднего заселения изучаемого района – политика правительства и набеги кочевников – должны рассматриваться во взаимосвязи. Именно из-за набегов государство не спешило приступить к заселению земель воронежских ухажьев. Интересы страны в плане защиты центральных областей требовали укрепления уже установившихся границ на юге. Правительство понимало необходимость укрепления южных границ, поэтому с этой целью было начато строительство Белгородской засечной черты. Это обстоятельство повлияло на дальнейший процесс заселения юго-восточной части Воронежского уезда, и темпы земледельческой колонизации постепенно ускорились.

Примечания

- ¹ *Багалея Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 276.
- ² *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. 2
- ³ *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
- ⁴ *Боплан.* Описание Украины. СПб., 1832. С. 51.
- ⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. Л. 37–40.
- ⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 64. Л. 557.
- ⁷ *Багалея Д.И.* Указ. соч.
- ⁸ Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Воронеж, 1976. С. 138.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Загоровский В.П.* Указ. соч.
- ¹¹ РГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, д. 701, л. 36–36 об.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Загоровский В.П.* Указ. соч. ; *Багалея Д.И.* Указ. соч.; Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. С. 138.
- ¹⁴ *Багалея Д.И.* Указ. соч.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 21. Столбцы Белгородского стола. Д.1018. Л. 628.

Планы выставок Государственной Третьяковской галереи на 2008 год

11 марта

«ЗОЛОТОЕ РУНО». 1906–1910

Выставочный проект посвящен художественной деятельности журнала «Золотое Руно» и приурочен к столетию грандиозной выставки «Салон Золотого Руна», состоявшейся в апреле 1908 года в Москве, на которой выступили совместно русские художники и французские мастера новых и новейших художественных течений – П. Кузнецов, М. Сарьян, П. Уткин, Н. Ульянов, М. Ларионов, В. Ван Гог, П. Гоген, П. Сезанн, А. Матисс и др. Выставка в Третьяковской галерее отражает многообразную деятельность «Золотого Руна» как идеологического центра русского символизма в плане формирования нового эстетического идеала эпохи. На ней будут экспонироваться произведения М. Врубеля, В. Борисова-Мусатова, К. Сомова, А. Бенуа, Л. Бакста и художников «Голубой Розы». Интерес «Золотого Руна» к национальному наследию продемонстрируют иконы, работы А.Иванова, А.Венецианова и его школы, Н.Ге. Всего на выставке будет представлено свыше 200 произведений из собраний живописи, графики, скульптуры из собраний ГТГ, ГЭ, ГМИИ и частных коллекций.

Специальный раздел будет посвящен личности Николая Рябушинского – редактора-издателя журнала «Золотое Руно». Здесь будут экспонироваться материалы архива «Русское зарубежье», а также уникальные образцы русских изданий начала XX столетия.

Выставка открыта с 12 марта по 11 мая

Крымский Вал, 10, залы 60–61

Е.И. Трофимова

Вопросы истории благотворительности в исследованиях ученых Воронежа XIX — начала XX века

Изучение истории благотворительности было важной частью социально-экономических исследований учёных Воронежа XIX — начала XX в. Авторы интересовали самые разные аспекты этой темы: история, философские идеи, их практическая реализация.

Одно из первых по времени создания и доступное для рассмотрения исследование издано в Воронеже в 1800 г. Это труд Е.А. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии». В нём речь идет об истории г. Воронежа, Воронежского уезда, уездных городов губернии. Е.А.Болховитинов описывает историю заселения Воронежской губернии. Большое внимание уделяется религиозным вопросам. Автор подробно описывает церкви, находившиеся на территории Воронежской губернии, перечисляет воронежских епископов.

Характеризуя городские публичные здания, Е.А.Болховитинов упоминает о доме приказа общественного призрения. Автор рассказывает о месте расположения этого дома, о времени его строительства, о целях его покупки. В работе перечислены учреждения, находившиеся в доме приказа общественного призрения. Так, упоминаются «дом для инвалидов, рабочий и смиренный»¹.

Интересен труд Г.М. Веселовского «Воронеж в историческом и современно-статистическом отношении», изданный Воронежским губернским статистическим комитетом.

Елена Ивановна Трофимова — ассистент кафедры отечественной истории Воронежского государственного педагогического университета.

В предисловии автор указывает, что написание этого труда «вызвано недостатком в местной литературе такого сочинения, которое знакомо бы в связном и цельном очерке с прошлою судьбою губернского города Воронежа от момента его возникновения до наших дней и, вместе с тем, обрисовывало бы, хотя бы в крупных чертах, и современное его состояние»². Г.М. Веселовский отмечает, что материалом для написания книги являлись документы, что очень важно для объективности исследования.

Автор делит свое исследование на две большие части. Первая называется: «Исторический очерк Воронежа с древнейшей поры по настоящее время». Эта часть состоит из семи глав и приложения, в котором содержатся сведения о воронежских воеводах, начальниках, генерал-губернаторах и губернаторах. В этой части речь идет в основном о Петре I и его деятельности, связанной с кораблестроением в Воронеже. Во второй части исследования, которая называется «Описание Воронежа в современном его состоянии» и состоит из 10 глав, автором рассмотрено сельское хозяйство и промышленность, торговля, особенности населения, климат Воронежа и многое другое. Но Г.М.Веселовский уделяет внимание и благотворительным заведениям воронежского приказа общественного призрения и деятельности попечительного о бедных комитета. Автор достаточно подробно по-

вествует о целях создания этих заведений, о наиболее ярких деятелях, занимавшихся проблемами этих заведений, приводит статистический материал о работе Александринского детского приюта, статистические данные из приходно-расходных книг Воронежского попечительного о бедных комитета за 10 лет начиная с 1854 г. и другую ценную для изучения истории благотворительности в Воронеже информацию.

Воронежский юбилейный сборник в память трёхсотлетия Воронежа также содержит статью об Александринском детском приюте, но акцент сделан на личностях и деятельности благотворителей и руководителей приюта. Г.М. Веселовский в своём исследовании уделяет больше внимания детям и условиям их воспитания в этом приюте.

Деятельность Воронежского земства в области общественного призрения отражена во «Всеподданнейшем рапорте сенатора С.Мордвинова, ревизовавшего Воронежскую губернию по Высочайшему повелению в 1880 году». Это издание содержит подробную информацию об уездных полицейских учреждениях Воронежской губернии, о делопроизводстве, об арестантах. В нём охарактеризована деятельность мировых судей Воронежской и Тамбовской губерний. Подробно описана деятельность Воронежского земства. Большое внимание сенатор уделил описанию условий, при которых земские учреждения в Воронеже начали свою деятельность. В рапорте находим информацию о состоянии заведений приказа общественного призрения, переданных в ведение земства, дальнейшей их деятельности под руководством земства³. Этот рапорт содержит обширный фактический материал, который раскрывает основные направления деятельности Воронежского земства в первые десятилетия его существования.

В 1886 году Воронежским губернским статистическим комитетом издан двухтомный юбилейный сборник в память трехсотлетия г. Воронежа. В него были включены

статьи, описывавшие г. Воронеж и губернию с различных сторон. Среди них есть труды исторического, этнографического, религиозного, медицинского характера.

Для изучения истории благотворительных организаций представляют интерес статьи по истории г. Воронежа и среди них, прежде всего те, которые характеризуют положение людей, нуждавшихся в призрении; а также называют существовавшие в конце XIX в. учреждения, целью которых была помощь людям. В томе 1 помещены следующие статьи, касающиеся истории благотворительности в Воронеже: «Святитель Тихон первый Епископ Воронежский и Елецкий», «Город Воронеж (исторический очерк)» Л.Б. Вейнберга, «Воронежский Александринский Детский приют», «Исторический очерк Воронежского Попечительного о бедных комитета и состоящих при нем благотворительных заведений, с 1818 по 1885 год», составленный членами-сотрудниками Комитета И.В. Петровским, М.Г. Кузнецовым и М.И. Дремызгиным, «О нищенстве в Воронежской губернии и мерах, какие принимаются для призрения неимущих» Н.В. Воскресенского.

Каждая из этих статей интересна по-своему. В статье о святителе Тихоне речь идёт о благотворительности с позиций православного христианства и о точке зрения по данному вопросу самого святителя Тихона. В историческом очерке города Воронежа Л.Б. Вейнберга рассмотрена история появления благотворительных заведений в городе как часть исторического процесса. В статьях об Александринском Детском приюте и Воронежском Попечительном о бедных комитете анализируются конкретные благотворительные организации, их история, положительные и отрицательные стороны деятельности, приводится статистика. Статья Н.В. Воскресенского повествует о сложнейшей проблеме, с которой Российская империя в целом и Воронежская губерния, в частности, была вынуждена бороться. Автор приводит обширный статистический материал, касавшийся нищенства

(количество нищих в Воронежской губернии, распределение их по сословиям, количественный анализ нищенствующих по различным причинам и т.д.); вызывают интерес мысли автора по поводу этой проблемы и вариантов ее решения.

В 1889 г. вышло в свет исследование Б.Г. Карновича под названием «Историческая записка о нищенстве». Во вступлении Карнович обосновывает необходимость открытия в городе Воронеже Дома Трудолюбия, цель которого «предоставить во всякое время возможность способным к труду беднякам зарабатывать насущный хлеб честным трудом, не отговариваясь, что «я, дескать, рад бы потрудиться, да не могу достать работы»⁴.

Автор выделяет две категории нищих. К первой категории он относит «несчастных, вполне не способных к личному труду, дряхлых, больных калек, которые за неустройством у нас в достаточном числе богоугодных заведений для призрения их, не имея, «где главы преклонить» вынуждены молить о помощи»⁵. Характеризуя вторую категорию нищих, Карнович пишет: «Затем к вашей же помощи обращаются весьма часто и совершенно здоровые, притворяющиеся больными и увечными, тунеядцы нищие»⁶. Автор призывает помогать первой категории, а вторых – отталкивать: «Отсылайте этих гнусных тунеядцев в Дом Трудолюбия, устройством которого в г. Воронеже озабочен особый комитет...»⁷.

Основной текст «Исторической записки о нищенстве» Б.Г. Карновича, следующий за введением можем условно разделить на две части: 1) краткая характеристика законодательства о нищих и результатов его действия в некоторых странах Западной Европы, начиная с Античности; 2) краткая характеристика этой же проблемы в России, которую автор начинает с описания положения нищих у славян.

В первой части «Исторической записки...» Б.Г. Карнович, характеризуя законодательство Западной Европы о нищенстве, выделяет три основные формы призрения

нуждающихся: частную, общинную и правительственную. У каждой из этих форм есть свои положительные и отрицательные стороны, и автор подчёркивает в связи с этим, что в разных странах выбор формы призрения нищих индивидуален. Однако, автор отмечает, что «самою удачною признаётся форма общинная, приходская», не объясняя, кто признаёт эту форму таковой.

Основную проблему, которую поднимает Б.Г. Карнович в своем исследовании можно обозначить так: частная милостыня – за или против. Автор приходит к выводу о том, что в любой стране необходима организованная на государственном уровне, продуманная, эффективная система призрения нищих.

По мнению автора, из-за отсутствия стройной системы социальной помощи «в отношении помощи нищим и призрения их в России не было одной общей системы, и... дело шло «не по теоретическим началам, а по практическим потребностям»⁸.

Кроме описания сложившейся ситуации, автор вносит и некоторые конкретные предложения для исправления ситуации, например, организацию Домов трудолюбия, в которых здоровые нищие могли бы трудиться.

«Историческая записка...» очень интересна, так как написана она председателем по устройству в г. Воронеже Дома трудолюбия, воронежским вице-губернатором Б.Г. Карновичем. Автор, видимо, довольно хорошо ориентировался в проблемах, связанных с системой государственного призрения в Российской империи и ее действия в Воронежской губернии.

В 1899 г. был издан «Исторический очерк пятидесятилетия Александринского Воронежского детского приюта, состоящего в ведомстве учреждений императрицы Марии. 1848 – 1898». В этой работе подробно рассмотрена история создания Александринского детского приюта и его отделений. Есть ссылки на отчёты приюта, записи в книге для почётных гостей, статьи местной прессы, которые на сегодняшний день утрачены⁹.

Воронежское губернское земство следило за судьбой детей-сирот. Данные по их призранию находили отражение в ежегодных отчётах, которые составляли земские врачи. Так, отчёт о призрании покинутых детей за 1904 год был составлен врачом А.А. Романовым. Отчет содержит богатый статистический материал, например, касающийся количества поступивших в приют детей за 1901 – 1904 гг., стоимости содержания детей в приюте в каждом году, начиная с 1896г., сведения о детской смертности и ее причинах и т.д.

Нельзя не упомянуть об «Указателе литературы по изучению Воронежской губернии» (1703 – 1927 гг.), подготовленным В.В. Литвиновым и вышедшим как издание Воронежского краеведческого общества в 1927 г.

Автор указывает, что материалы для данного издания он собирал более 25 лет. За это время им было просмотрено немало библиотек учреждений, церквей и некоторые частные библиотеки. В.В. Литвинов разделил книгу на 3 основные части: «Общие сведения о губернии»; «Географическое положение. Астрономические данные и явления»; «Природа Воронежского края в прошлом и настоящем». Статьи расположены автором в хронологическом порядке. «Указатель литературы по изучению Воронежской губернии» В.В. Литвинова может быть использован как один из источников для поиска литературы по истории благотворительных организаций г. Воронежа.

Изучению истории Воронежского края в XIX – начале XX века местные ученые и интеллигенция уделяли большое внимание. Важной частью социально-экономической истории края является история благотворительных учреждений (государственных и общественных), а также частной благотворительности. Научная и, в большей степени, научно-популярная литература рассматриваемого периода содержит много

сведений: фактов, статистики, философских идей по данной тематике.

Для современных исследователей истории благотворительных учреждений прошлого эти сведения важны как с теоретической, так и с практической точки зрения. Нынешняя система помощи и поддержки нуждающихся граждан Российской Федерации далека от совершенства. Дорабатывать ее, на мой взгляд, целесообразно исходя из опыта прежних лет.

Литература

1. *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях. Воронеж, 1866.
2. Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия города Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 1.
3. Воронежский юбилейный сборник в память трехсотлетия города Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 2.
4. *Литвинов В.В.* Указатель литературы по изучению Воронежской губернии» (1703 – 1927 гг.). Воронеж, 1927.

Примечания

- 1 *Болховитинов Е.А.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж, 1800. С 53.
- 2 *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях. Воронеж, 1866. С. 2.
- 3 Всеподданнейший рапорт сенатора С. Мордвинова, ревизовавшего Воронежскую губернию по Высочайшему повелению в 1880 году. СПб, 1880. С. 2, 16, 18 и др.
- 4 *Карнович Б.Г.* Историческая записка о нищенстве. Воронеж, 1889. С. 1.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 2.
- 8 Там же. С. 10.
- 9 Исторический очерк пятидесятилетия Александринского Воронежского детского приюта, состоящего в ведомстве учреждений императрицы Марии. 1848 – 1898. Воронеж, 1899. С. 5, 20, 21, 33 и др.

А.Ю. Сидоров

Пространственные и временные факторы во внешней политике Советского Союза на Дальнем Востоке в 1930-е гг.

Изучение временного и пространственного аспектов международных процессов является одним из важных направлений развития отечественной историко-политической науки. Оба эти объективных фактора обозначают наиболее фундаментальную систему координат, в рамках которой происходит деятельность субъектов мировой политики. В данной статье автор хотел бы рассмотреть их влияние на примере внешнеполитической деятельности СССР на Дальнем Востоке в период 1931–1939 гг. – от японского вторжения в Маньчжурию до начала Второй мировой войны.

Вначале несколько общих замечаний. Несмотря на то, что советская внешняя политика всегда испытывала колоссальное влияние коммунистической идеологии, думается, что в международных делах Сталин и возглавляемой им партийно-государственное руководство были геополитиками не в меньшей мере, чем идеологами; при этом идеологические установки определяли их долгосрочную внешнеполитическую стратегию, а геополитические факторы – тактические методы и приемы ее осуществления. Контролю над пространством советские лидеры в рассматриваемый период придавали огромное значение; для них он являлся одновременно и способом реализации установки на мировую револю-

цию, и основополагающим принципом обеспечения безопасности СССР. Этот контроль понимался в том числе и как территориальное расширение Советского государства. «Свою задачу как министр иностранных дел, – говорил В.М. Молотов, – я видел в том, чтобы как можно больше расширить пределы нашего Отечества».¹ Его предшественник на этом посту М.М. Литвинов, в свою очередь, свидетельствовал, что в 1930–1940-х гг. в Кремле господствовало «географическое понимание безопасности (чем больше у вас пространства, тем безопаснее ваше положение)».²

Вместе с тем в представлении советских руководителей речь шла, как правило, не о любых территориальных приращениях, а лишь о тех, которые имели под собой определенные исторические, этнические или же военно-стратегические основания, позволявшие постепенно интегрировать эти земли в состав Советского Союза.³ Согласно этим критериям, целый ряд прилегающих стран и территорий, имевших ключевое значение для безопасности СССР, не мог быть непосредственно к нему присоединен. Их стремились превратить в сферы влияния, они же зоны безопасности, преимущественно путем советизации, то есть создания здесь социалистической модели государственности, которая считалась наиболее надежной, объективной гарантией союзнических отношений.

Влияние пространственного фактора на советскую политику в регионе Дальнего Востока нашло выражение, в первую очередь,

Андрей Юрьевич Сидоров – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО (Университета) МИД России.

в последовательных усилиях, направленных на создание по периметру советских границ обширной и протяженной буферной зоны. Значительная работа в этом направлении была проделана еще в 1920-х гг., и к началу 1930-х гг. дальневосточная сфера интересов СССР состояла из Монгольской Народной Республики, Тувинской Народной Республики, а также китайской провинции Синьцзян, которая в то время не контролировалась правительством Чан Кайши. Во второй половине 1920-х гг. Советский Союз предпринимал энергичные попытки закрепиться и в Маньчжурии, где ему на паритетных началах принадлежала Китайско-Восточная железная дорога. Однако на том этапе политическая борьба за Маньчжурию окончилась для него неудачей. В 1929 г. она привела к советско-китайскому вооруженному конфликту на КВЖД, вскоре после которого Япония фактически аннексировала этот регион, провозгласив здесь марионеточное государство Маньчжоу-го. В 1935 г., продав КВЖД, Советский Союз был вынужден временно уйти из Маньчжурии.

Эту существенную геополитическую потерю советская сторона попыталась компенсировать усилением своего влияния в МНР и Синьцзяне. В результате процесс обособления и выхода Внешней Монголии из состава Китая принял в 1930-е гг. необратимый характер. К началу 1940-х гг. под бдительным надзором советских советников и специалистов здесь было завершено строительство системы государственной власти, по сути копировавшей модель сталинского СССР. При этом в секретных документах ЦК ВКП(б) и Наркоминдела советизация МНР обосновывалась не столько идеологическим стремлением к «расширению социалистического лагеря», сколь военно-стратегическими соображениями, решимостью, по выражению советского посла в Нанкине Д.В. Богомолова, не допустить «создания Монголо-го [копии Маньчжоу-го] – под прикрытием японских штыков»⁴. Реальные же предпосылки отделения Внешней Монголии от Китая в Моск-

ве видели, прежде всего, в этнической самобытности монголов, сильных антикитайских настроениях в монгольском обществе, «революционном национализме» лидеров этой страны.

Существенно иной была советская политика в отношении Синьцзяна. С одной стороны, в 1930-х гг. военно-политический и экономический контроль СССР над этим регионом становился все более жестким. Здесь работали восемь советских консульских учреждений, сотни советских специалистов. Для подавления мятежей в Синьцзян не раз вводились части Красной армии. Вся внешняя торговля провинции была монополизирована смешанным советско-синьцзянским обществом «Совсиньторг». Вместе с тем контроль над данным регионом в Москве рассматривали скорее как временную меру, а не как долгосрочную стратегию. Мало-населенность, отсталость, этническая пестрота и политическая нестабильность Синьцзяна не способствовали проведению здесь опытов по советизации; кроме того, курс на его открытое отделение от Китая мог бы нанести непоправимый ущерб отношениям СССР с правительством Чан Кайши. Поэтому Центр не раз инструктировал представителей ЦК ВКП(б) и Наркоминдела в Урумчи «проводить твердый курс на полное отмежевание от лозунгов синьцзянской независимости, ... ориентироваться на сохранение автономии с признанием китайского суверенитета»⁵.

Акцент на пространственном измерении безопасности СССР в конкретно-исторических условиях 1930-х гг. имел, на мой взгляд, в целом позитивное значение. В условиях реально существовавшей в то время военной угрозы со стороны Японии приграничные сферы влияния позволили не только существенно укрепить оборону советского Дальнего Востока, но и оттянуть на себя значительную долю агрессивной энергетики японского милитаризма. Не случайно именно Монголия стала в 1939 г. ареной масштабной необъявленной советско-японской войны (размах которой был сопоставим, например, с герма-

но-польской войной сентября 1939 г.). Существование такого геополитического буфера предоставило Японии возможность, по определению Г.К. Жукова, «провести разведку боем» и «прощупать, в состоянии ли мы с ними воевать»⁶, но в то же время дало противостоящим сторонам уникальный шанс на практике сопоставить возможности своих вооруженных сил. Общеизвестно, что убедительная победа Красной армии на Халхинголе оказала огромное влияние на решение Токио осенью 1941 г. отказаться от планов нападения на СССР.

Политика создания и расширения сфер влияния имела и очевидные издержки. Она входила в явное противоречие с принципами суверенитета и территориальной целостности Китая, что создавало немалые трудности в развитии советско-китайских отношений. Кроме того, активность СССР в Маньчжурии на рубеже 1920-1930-х гг., осуществляемая в русле этой политики, была в общем малоудачной, поскольку, ослабив режим Чжан Сюэяна, она лишь облегчила последующий захват Маньчжурии Квантунской армией. Тем не менее, расчет Москвы на то, что проводимый ею курс на консолидацию зоны безопасности вдоль своих границ не окажет фатального деструктивного воздействия на ее сотрудничество с режимом Чан Кайши, оказался верным. Несмотря на монгольскую и синьцзянскую проблемы (а также другие негативные факторы, в частности, поддержку по линии Коминтерна китайских коммунистов) отношения между СССР и гоминьдановским Китаем в 1930-х гг. кардинально улучшились. Был пройден огромный путь от восстановления дипломатических связей в 1932 г. до заключения в 1937 г. договора о ненападении, по сути представлявшего собой неформальный двусторонний военно-политический союз. Советский Союз сполна воспользовался фактором японской угрозы для решения собственных идеологических и геополитических задач в Китае, в первую очередь – расширения пространственных границ своего влияния в этой стране.

Огромную роль в формировании внешнеполитического курса СССР в 1930-е гг. играл и временной фактор. Сталин всегда ясно сознавал значение времени как невозобновляемого ресурса. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет, – заявил он в феврале 1931 г., в разгар первой пятилетки. – Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».⁷ Беспощадная гонка индустриализации и коллективизации 1930-х гг. во многом определялась ощущением цейтнота, которое большевистское руководство испытывало в преддверии решающей схватки с мировым империализмом. Применительно к дальневосточному направлению советской внешней политики фактор времени проявился, в первую очередь, в тактическом маневрировании, нацеленном на максимальное оттягивание неизбежного, как считалось, вооруженного конфликта с Японией. Эта тактика должна было дать стране передышку, необходимую для создания сильного оборонительного потенциала в Приамурье и Приморье, и, в конечном счете, изменить баланс военной мощи в регионе в свою пользу.

Японское вторжение в Маньчжурию в сентябре 1931 г. стало неожиданностью не только для западных держав, но и для Советского Союза, и поначалу рассматривалось им скорее как локальный инцидент, а не как кардинальный поворот во внешней политике Токио. Однако уже весной 1932 г. после занятия японскими войсками «полосы отчуждения» КВЖД и провозглашения Маньчжоуго Япония была переведена из числа обычных империалистических держав в разряд одного из главных военных противников.⁸ К военному конфликту с ней в первой половине 1930-х гг. Советский Союз еще не был готов и всячески стремился его избежать. В сложившейся ситуации советская сторона совершенно оправданно сделала ставку на выигрыш времени. Дистанцировавшись от Лиги Наций, с помощью которой западные державы, по оценке Л.М. Карахана, желали «столкнуть нас лбами с Японией»⁹, она про-

являла немалую гибкость и прагматизм с тем, чтобы лишить Квантунскую армию любых поводов для военных провокаций. Администрация КВЖД дала согласие на перевозку по железной дороге японских войск. Вплоть до 1935 г. Красной армии было фактически запрещено открывать огонь против нарушителей маньчжурской границы; на любое применение оружия требовалось согласие Москвы. Консульства Маньчжоу-го были открыты в Благовещенске и Чите. Более того, как свидетельствуют архивные документы, советское руководство в начале 1930-х гг. было даже готово на определенных условиях пойти на установление полномасштабных дипломатических отношений с Маньчжоу-го, невзирая на очевидные репутационные издержки такого решения¹⁰. Как известно, Лига Наций, следуя рекомендациям комиссии Литтона, рекомендовала всем странам мира не признавать Маньчжоу-го де-юре и де-факто.

В итоге поставленная цель была достигнута. Ценой крупных уступок (в том числе вынужденной продажи КВЖД и временно отказа от экономического и политического присутствия в Маньчжурии) удалось отложить первые крупные вооруженные столкновения с Японией на 1938–1939 гг., когда последняя уже основательно увязла в Китае и была не в состоянии мобилизовать на противостояние с СССР все имевшиеся у нее на континенте внушительные силы и ресурсы.

Все вышесказанное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что в дальневосточной политике Советского Союза в 1930-е гг. превалировали интересы обеспечения его безопасности. Перед лицом

японской военной угрозы Сталин действовал осторожно и прагматично, в духе известного афоризма Мао Цзэдуна: «Идеалы важны, но реальность еще важнее». Во многом благодаря адекватному учету геополитических обстоятельств пространства и времени советская политика в этом регионе в преддверии Второй мировой войны оказалась достаточно успешной и эффективной.

Примечания

¹ Чуев Ф.И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 2000. С. 18.

² Литвинов сделал это заявление в июне 1946 г. в беседе с корреспондентом «Си-би-эс», охарактеризовав подобный подход к безопасности как «устаревший». Цит. по: Печатнов В.О. От союза – к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006. С. 151.

³ «Во всем надо знать меру, а то можно и подавиться, – замечал тот же Молотов, приводя в пример Финляндию. – Пощадили ... Умно поступили, что не присоединили ее к себе. Имели бы рану постоянную». (Чуев Ф.И. Указ. соч. С. 19, 21).

⁴ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 17. П. 171. Д. 2. Л. 79.

⁵ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 17. П. 171. Д. 1а. Л. 7.

⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Изд. 11-е. Т.1. С. 256.

⁷ Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 39.

⁸ Во второй половине 1920-х гг. она в качестве источника непосредственной военной угрозы не рассматривалась, а накануне японского вторжения Наркоминдел характеризовал советско-японские отношения как «лишенные какой бы то ни было напряженности». – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П.80. Д. 120. Л. 65.

¹⁰ АВП РФ. Оп. 16. П. 166. Д. 158. Л. 35.

¹¹ См. об этом в архивном документе.: РАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 5.

К.Л. Котюков

Русская военная эмиграция в Югославии в 1941 г. и ее роль в создании Русского Охранного корпуса

Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР было воспринято определенной частью русской военной белоэмиграции, как шанс взять реванш за поражение в Гражданской войне в России, пусть даже с помощью иностранного агрессора. «Хоть с чертом, но против большевиков!» – таков был лозунг этой группы, в рядах которой оказалась самая непримиримая честь белой эмиграции. Заветной мечтой бывших участников Белого движения было создание собственных военных формирований из эмигрантов под эгидой Германии для участия в войне против СССР.

30 июня 1941 г. вопрос об использовании белоэмигрантов в германской армии был рассмотрен на совещании представителей Верховного командования вермахта, Главного управления СС, министерства иностранных дел и Отдела внешнеполитических связей НСДАП. Допуская к участию в «крестовом походе» представителей всех европейских народов, немцы исключили чехов и русских военных эмигрантов. Это обосновывалось тем, что участие бывших белогвардейцев в войне на стороне Рейха могло дать хороший повод советской пропаганде говорить о реставраторских намерениях немцев, что в свою очередь усилит сопротивление Красной армии.

Тем не менее, несмотря на запрет нацистской партийной верхушки, при помощи некоторых заинтересованных лиц германского военного командования, ряд во-

инских формирований в которых, участвовали русские военные эмигранты, все же были созданы. Из них наиболее пристального внимания заслуживает Русский Охранный Корпус в Сербии.

Формирование здесь крупного русского воинского соединения было далеко не случайно, ибо в Сербии находилась крупная колония русских эмигрантов, и действовал влиятельный IV отдел Русского Обще-Воинского Союза. У истоков формирования корпуса стоял начальник «Бюро по защите интересов Русской Эмиграции в Сербии» (созданное в апреле 1941 г., оно в дальнейшем в документах часто именовалось как «Русское Бюро в Сербии») генерал М.Ф. Скородумов.

В связи с вторжением Германии в СССР русские журналисты в Белграде выступили с воззванием: «22 июня начался последний решительный бой нового правопорядка с поработившим Великую Россию большевизмом. Начался давно предсказанный нами крестовый поход против коммунистической советской власти»¹. Эта позицию в полной мере разделял генерал Скородумов. Но в результате подобных заявлений и последовавших за ними действий русская эмиграция в Югославии оказалась, образно говоря, между молотом и наковальней. В стране крепло и расширялось национально-освободительное антифашистское движение, руководимое, с одной стороны, коммунистами во главе с И.Б. Тито, а с другой, – националистами Д. Михайловича.

В этих условиях после публично прозвучавших заявлений руководителя «Русского

¹ Константин Львович Котюков – младший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Бюро в Сербии» и русских журналистов в поддержку действий фашистской Германии сербы-патриоты, боровшиеся с фашизмом за освобождение своей страны, стали рассматривать русскую эмиграцию как врага сербского народа. Активизировались действия и террористические акты против русских эмигрантов в провинции и особенно когда целые районы страны оказались в руках партизан-коммунистов. Только до 1 сентября 1941 г. полицейскими органами было зарегистрировано более 250 случаев одиночных и групповых убийств². В этих условиях эмигранты с семьями вынуждены были поспешно бросать обжитые места и спасаться бегством.

При таком положении дел особое значение приобретали действия «Русского Бюро в Сербии» и его руководителя М.Ф. Скородумова. С началом войны Германии против СССР генерал Скородумов обратился к немецким властям с предложением сформировать из русских эмигрантов самостоятельную воинскую часть (по некоторым данным – дивизию) и отправить ее на Восточный фронт как ядро будущей русской национальной армии. Сотрудники Русского Бюро во главе с генералом Б.А. Штейфеном разработали и представили немецкому военному командованию план по формированию русского воинского соединения. Но несколько дней спустя помощник германского посла в Югославии дал ответ генералу Скородумову, что никаких русских воинских частей и соединений разрешено быть не может³.

В своих мемуарах ветераны Русского охранного корпуса пытаются представить свою службу немецким оккупантам как акт самообороны в ответ на террор и преследования русских эмигрантов в Сербии со стороны тамошних коммунистов⁴. Однако, если согласиться с этой версией, то становится совершенно непонятным, почему генерал Скородумов и другие лидеры эмиграции так настойчиво добивались отправки русских формирований на Восточный фронт. Видимо, пытаясь как-то себя обе-

лечь, бывшие коллаборационисты выдают следствие за причину. Дело в том, что подобно белоэмигрантам в других странах, они горели желанием взять реванш за поражение в Гражданской войне с Советской властью, пусть даже и с помощью Гитлера.

Марионеточное правительство Сербии, образованное в конце августа 1941 г., возглавил генерал М. Недич. В его распоряжении находились жандармерия и сербская государственная стража, сформированная для охраны общественного порядка, но всерьез полагаться на эти структуры Недич не мог и главные надежды возлагал на немцев, поставивших его у власти и их вооруженные силы. Одной из наиболее энергичных фигур в этом правительстве был Л. Лютич, возглавлявший политическую партию (патриотическое движение) «Збор», которая придерживалась антикоммунистических, монархических позиций и выступала против сепаратизма в любых его проявлениях. Сербский патриот и русофил, Лютич еще в межвоенный период поддерживал тесные связи с белой русской эмиграцией в Югославии. Для того чтобы укрепить позиции марионеточного правительства Сербии, немцы дали разрешение на формирование Сербского Добровольческого Корпуса, этим и занялся Л. Лютич, делая ставку на антикоммунистическую молодежь из «Збора».

Именно к Лютичу и обратился генерал Скородумов, прося дать русским эмигрантам оружие, но тот ответил, что помочь не может, так как ему самому немцы оружия выдали меньше, чем необходимо. Тогда начальник Русского Бюро вновь обратился к немцам. После долгих переговоров те заявили, наконец, что главнокомандующий разрешил формирование Отдельного Русского Корпуса и пообещал после ликвидации коммунистов в Сербии перебросить его на Восточный фронт⁵.

Развернулась подготовка к формированию корпуса, но тут вмешалось немецкое посольство и, отражая интересы и видение национал-социалистической партии, выступило категорически против этой идеи.

В этой ситуации, несмотря на охарактеризованную выше позицию посольства Германии в Белграде, немецкое военное командование, заинтересованное в создании воинского соединения для антипартизанской борьбы, издало 12 сентября за подписью начальника штаба главнокомандующего оберста Кевиша свой приказ, гласивший: «Начальнику Бюро генералу Скородумову разрешается призвать всю эмиграцию в Сербии для формирования Русского Охранного Корпуса и такой формировать»⁶. Корпус должен был быть экипирован в русскую форму, но ни в коем случае не в сербскую или немецкую; после окончания формирования и подавления коммунистического движения в Сербии немецкое командование обязывалось перебросить его на Восточный фронт; корпус не мог быть использован ни против какого-либо другого государства, ни против сербских националистов Д. Михайловича, а только против коммунистов⁷.

12 сентября 1941 г. генерал Скородумов издал приказ № 1 Отдельному (Русскому) Корпусу «О наборе всех военнообязанных в возрасте от 18 до 55 лет». Он подписал этот приказ как командир Отдельного Русского Корпуса. О политических целях создаваемого формирования ничего не говорилось, но в конце приказа содержались слова: «С Божией помощью, при общем единодушии и, выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию»⁸.

Но широковещательные заявления генерала Скородумова (также как и, вероятно, звучавшая в августовском обращении идея «восстановления Православной Национальной Русской Империи») вызвали недовольство немецких политических кругов, и 14 сентября, не пробыв в должности командира корпуса и 48 часов, генерал Скородумов был отстранен от должности командира корпуса и арестован гестапо. Он находился под арестом три недели, а затем под угрозой направления в концлагерь дал подписание и был освобожден⁹.

Вслед за этим последовало переформирование корпуса в подразделение с более скромным названием – Русская Охранная Группа с подчинением ее немецкому хозяйственному управлению (административно-хозяйственной службе) в Сербии (по другим данным – главному уполномоченному по торговле и промышленности в Сербии генерал-лейтенанту СС Нойхаузену (Нейхаузену), он именовался в документах также хозяйственным диктатором Сербии)¹⁰. Комплектованию подразделения оказывали поддержку главное командование вермахта и Иностранный отдел МИД Германии. В циркулярном письме уполномоченного начальником Управления делами русской эмиграции (УДРЭ) в протекторате Богемия и Моравия всем начальникам российских военных организаций о формировании корпуса, утверждалось, что «...онный создается для вооруженной борьбы с большевиками в составе германских вооруженных сил и под германским управлением...»¹¹

В формировании Русского Корпуса (Русской Охранной Группы, как официально звучало наименование соединения) важную роль сыграл такой фактор, как массовая безработица среди русских эмигрантов в это тяжелое время. Их в массовом порядке увольняли со службы или над ними висела угроза увольнения. В этих условиях вступление в формируемое воинское соединение было для многих единственным шансом спасти своих близких от голодной смерти. Все добровольцы ставились на довольствие. Рядовые получали зарплату в 750 динар в месяц, ежемесячное обеспечение их детей составляло 400 динар, такую же сумму получали и их родители. Внебрачные семьи пользовались такими же пособиями если они могли доказать наличие семьи¹².

Первые отряды общей численностью около 2000 человек были сформированы в сентябре 1941 г. в Белграде, а из них в январе 1942 г. создан корпус из двух полков по 1000–1500 солдат. Циркуляры о наборе добровольцев рассылались по русским военным организациям и в других странах –

Германии и Протекторате, Польше, Франции, Греции, Италии, однако число призванных из этих стран было невелико, так как вербовка добровольцев в пределах Германии и Западной Европы немецкими властями не была разрешена.

Основные кадры соединения составили бывшие белые военные эмигранты, служившие еще в Русской армии генерала П. Н. Врангеля. Большинство их до начала войны состояло в различных военных организациях, главным образом в рядах РОВСа. Лишь около 10% от общего числа добровольцев составляли юноши-эмигранты, выросшие на чужбине, – юнкера, студенты, гимназисты, что составило менее 1% от общего количества эмигрантской молодежи¹³, что наглядно демонстрирует тот факт, что идеи «политического активизма» не получили в эмигрантской среде такого значительного распространения, как это пытались представить лидеры РОВСа и зарубежного белого движения. В корпусе на протяжении его истории служили 314 бывших военнослужащих Красной Армии, сведенных в две особые роты, 44 русских генерала – участников Белого движения, в том числе 3 генерал-лейтенанта и 15 генералов, причисленных к Генеральному штабу¹⁴.

Весь внутренний уклад жизни корпуса и обучение первое время строились по уставам давно несуществующей Российской Императорской армии, однако, в связи с изменением тактики ведения боя и появлением новых видов оружия вскоре пришлось перейти на уставы Красной Армии, как отвечавшие современному состоянию военного дела. С включением корпуса в состав вермахта были введены немецкие уставы.

Генерал Драценко доносил 27 октября 1941 г. из Загреба начальнику РОВСа Архангельскому, что у него зарегистрировано 1500 русских военнослужащих¹⁵. Касясь же эмигрантских политических перипетий в связи со всей этой историей, начальник «Объединения Русских Воинских Союзов» генерал фон Лампе писал 28 декабря 1941 г. в Брюссель начальнику Русского Обще-Воинского Союза

генералу Архангельскому: «Генерал Барбович (начальник IV отдела РОВСа) очень доволен назначением вместо Скородумова генерала Крейтера (в качестве начальника Русского Бюро в Сербии – В.Г.)», что внесло «большое успокоение в русскую среду»¹⁶. В состав Бюро, помимо генерала Крейтера, вошли также генералы Б.А. Штейфон, В.Э. Зборовский, В.Г. Науменко и полковник В.И. Базаревич. Начальник ОРВС генерал Лампе добавлял в вышеназванном письме, что командир Охранного корпуса генерал Штейфон заслужил высокую оценку германского командования. В том же письме сообщалось, что потери корпуса составили до 300 человек, а это само по себе свидетельствовало о тяжелых боях, которые вели его части¹⁷.

Приказом от 18 ноября 1941 г. Русский охранный корпус был переименован в «Русскую охранную группу». Отношение русских эмигрантов, проживавших в Сербии, к формированию и действиям Русского Корпуса (Русской Охранной Группы в это время) было весьма противоречивым. В русских эмигрантских источниках рассматриваемого периода времени, как и в более поздней литературе, в том числе издававшейся после Второй мировой войны, мы можем найти крайности от единодушной поддержки его русской эмигрантской колонией в Сербии до указаний на то, что лишь незначительная часть русских поддержала формирование корпуса и возгорелась «симпатиями» к немцам в надежде, что сможет поехать на Восточный фронт, «освободить родину», а к концу 1941 года большинство эмигрантов «перекочевало» к противникам немцев¹⁸.

В таких условиях часть русской эмиграции в Сербии сделала выбор в пользу поддержки антифашистского движения в этой стране. Ушел в горы и стал одним из ближайших соратников И.Б. Тито известный русский офицер и общественный деятель эмиграции полковник Ф.Е. Махин и он был отнюдь не одинок. Некоторые из русских эмигрантов, вставшие на патриотические и оборонческие позиции, участвовавшие в антифашистской борьбе, заплатили за это

своей жизнью. Например, в Белграде оккупационными властями были расстреляны полковник Савельев и есаул Приходько¹⁹.

В сложном положении оказались и подразделения формируемой Русской Охранной Группы в Сербии. Ее солдаты и офицеры призваны были выступать в качестве служителей жестокого и террористического режима, который насаждали германские оккупационные власти здесь. Немцы ввели в практику расстрел 100 сербов за одного убитого немецкого солдата и 50 сербов за убитого немца в провинции²⁰. Заложники набирались из всех классов и слоев сербского населения. В этих условиях уход сербских жителей в леса и горы, «гайдучество», обусловленное и вековой ненавистью к «швабам», стали массовым явлением. Немцы активно использовали в борьбе с повстанцами части Русского Корпуса, скрывая его истинное предназначение, и лишь с большим опозданием его военнослужащие поняли, что им не суждено попасть на родину, и их задача – борьба на «внутреннем фронте», участие в гражданской войне на территории иностранного государства.

Первоначально военнослужащие Русского Корпуса заключали обязательства о службе в нем на 6 месяцев и считалось, что после этого они могут добровольно покинуть его. Но вскоре выяснилось, что покинуть корпус практически невозможно, а желающие сделать это предавались военному суду.

Реакция русских эмигрантов, проживавших на территории оккупированных фашистской Германией, на формирование Русского Корпуса в Сербии и на события, происходившие здесь, кардинально различалась. Для одних это был долгожданный шанс принять участие с оружием в руках в борьбе с коммунистами, а в перспективе в рядах корпуса воевать против советской власти за освобождение родной земли. Они стремились по возможности скорее прибыть в Сербию и взяться за оружие.

Прямо противоположных взглядов придерживались те русские эмигранты, которые придерживались оборонческих и пат-

риотических позиций. Они считали недопустимым для русских воевать на стороне фашистской Германии, осуждали подавление войсками корпуса восстания сербских братьев-славян. С включением корпуса в состав вермахта были введены немецкие уставы, что окончательно сделало его военнослужащих немецкими прислужниками и положило крах надеждам белоэмигрантов превратить советско-германскую войну в войну гражданскую и свергнуть ненавистный им большевистский режим.

Примечания

¹ *Голдин В. И.* Роковой выбор. Архангельск-Мурманск, 2005. С. 213.

² *Гончаренко О. Г.* Белоэмигранты между звездой и свастикой. М., 2005. С.207.

³ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны (1941 – 1945). СПб., 1999. С. 30.

⁴ См. Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941 – 1945 гг. Нью-Йорк, 1963; Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны (1941 – 1945).СПб., 1999.

⁵ *Голдин В. И.* Указ. соч. С 216.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941 – 1945 гг. Нью-Йорк, 1963. С. 37 – 38.

⁹ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны (1941 – 1945). СПб., 1999. С.49.

¹⁰ *Дробязко С.И.* Вторая мировая война 1939 – 1945. Русская освободительная армия. М., 2002. С. 12.

¹¹ ГАРФ.Ф.5796. Оп.1. Д.58.Л.45.

¹² ГАРФ. Ф. 5759. Оп. 1. Д. 53. Л. 19.

¹³ Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941 – 1945 гг. Нью-Йорк, 1963. С. 38.

¹⁴ *Александров К.* Русские солдаты вермахта. М., 2005. С. 374.

¹⁵ *Голдин В. И.* Армия в изгнании. Страницы истории русского Обще-воинского союза. Архангельск-Мурманск. 2002. С.242.

¹⁶ ГАРФ. Ф.5853. Оп. 1.Д. 70. Л. 115.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Маевский В. А.* Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. С. 285.

¹⁹ Там же. С 287, 293.

²⁰ История Югославии. М., 1963. Т. 2. С. 202.

Г.Л. Воробьев

Реакция уральцев на закрытый доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС

XX съезд оказал огромное влияние на сознание советских людей, ставший поистине знаковым событием послевоенной отечественной истории. Он оказал заметное влияние на последующее развитие советского общества. Об этом уже немало написано, но пока слабо отражено, как же отреагировали коммунисты и беспартийные на местах на доклад Хрущева. В рамках данного исследования и ставится задача показать самую первую реакцию на доклад жителей Пермской области. За основу взяты материалы партийных собраний, проводившихся по итогам XX съезда КПСС в городах Пермской области в марте – апреле 1956 г.

Доступные ныне документы архивов позволяют заглянуть за фасад «оттепели», выявить подлинные умонастроения в обществе. В разных местах реакция на решения съезда были разными. Например, события в Грузии приняли масштабный и драматический характер. Тысячи студентов вышли на улицы и приняли участие в шествии с возложением венков к монументу Сталина. Позднее многотысячные толпы осадили здание ЦК КП Грузии, а 9 марта в Тбилиси состоялся 80-тысячный митинг, на котором выступавшие требовали пересмотра решений партийного съезда. В стычках с силами правопорядка были убиты и ранены. Сотни человек власти арестовали и сослали¹.

Воробьев Георгий Леонидович – аспирант кафедры общей и отечественной истории Пермского государственного университета.

В российских областях реакция оказалась спокойнее. О закрытом докладе Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях», сделанном на XX съезде КПСС, в обществе стало известно уже вечером 25 февраля. Более 1400 делегатов, выйдя за стены Кремля, не могли, конечно, сдержать своих чувств – слишком велико было потрясение.

И хотя, в докладе было сказано, что этот вопрос «мы не можем вынести за пределы партии», Президиум ЦК КПСС, учитывая очевидную нереальность секретности, принял решение, не публиковать доклад в печати, а ознакомить с ним «всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив рабочих, служащих и колхозников», – короче говоря, всю организованную общественность².

В первой половине марта 1956 г. началось чтение в партийных и комсомольских организациях страны закрытого доклада Н.С. Хрущева. Если судить по материалам Государственного общественно-политического архива Пермского края, то на Урале, как и во многих других местах, реакция на доклад была очень противоречивой. В своих выступлениях по поводу услышанного участники собраний задавались множеством вопросов, высказывали сомнения, пожелания, просьбы, а порой и требования.

Начальник цеха конторы Авиаглавснаб г. Молотова (так тогда именовался г. Пермь) Бесфамильный выразил сомнение в том, что ЦК КПСС не полностью ознакомил с материалами по культуре личности

и потребовал, чтобы ЦК партии выслал стенограмму о том, как происходило обсуждение доклада тов. Хрущева о культе личности и его последствиях на XX съезде. Бесфамильный говорил, что «чувствуется неясность в этом документе», то есть в докладе Хрущева³.

XX съезд КПСС провозгласил курс на «полное преодоление культа личности и ликвидацию его последствий». Эта позиция руководства партии вызывала недоумение. На собраниях Чердынского, Добрянского и Чермозского районных партийных активов коммунисты по этому поводу задали следующие вопросы: «По докладу т. Хрущева есть много для нас неясного, а именно как мы должны вести разъяснение беспартийным?»; «Как разъяснять беспартийным работникам ошибки и злоупотребления Сталина?»; «Является ли текст доклада тов. Хрущева секретным?»⁴.

Многие рядовые коммунисты на собраниях актива Краснокамской партийной организации требовали разъяснить: «Только ли Сталин виноват, что он попирает ленинские принципы политического руководства. А Политбюро и ЦК партии как могли допустить такое положение?»⁵.

Многие выступавшие на собраниях партийного актива Чердынского, Щучье-озерского, Чермозского районов задавались вопросами: «Почему Политбюро допустило явно вредные действия Сталина? Неужели его все боялись так, что никто не смел ничего замечать Сталину и почему члены Политбюро не поддержали выступления Постышева и Каминского и этим самым допустили их гибель? Если бы все члены Политбюро единодушно и решительно поддержали их, этим самым можно было пресечь действия Сталина»⁶.

Выступавшие обратили внимание на непоследовательность в поведении отдельных членов Политбюро. Участники собраний спрашивали: «Почему очень большая разница в выступлениях тов. Микояна на XIX съезде КПСС по сравнению с тем как он выступал на XX съезде партии? Товарищ Ми-

коян был близорук или угодничал Сталину? В чем дело? Уж очень он возвеличивал личность Сталина»⁷. «Почему восхваляли Сталина при его жизни тов. Хрущев и тов. Булганин?»⁸.

Подполковник Давыдов на партийном собрании в городе Нытва говорил: «Со времени существования Коммунистической партии мы из года в год слышали как тот или другой свыше изменил партии, и мы ведь с Вами кричали «Слава Сталину». Но я не могу поверить и согласиться с тем, чтобы члены ЦК КПСС не могли со Сталиным справиться и не могли удержать его от жутких поступков. Я считаю, что в поступках Сталина виноваты и члены ЦК КПСС. Я обвиняю товарищей Хрущева и Булганина, а также и Маленкова. Маленков всю войну был со Сталиным и нужно этим товарищам сказать конкретно, что они тоже виноваты, что они проявили трусость. А разве не могли собраться секретари обкомов, что-то мне все это не понятно. ЦК КПСС надо убрать Сталина из Мавзолея, не место ему находиться рядом с товарищем Лениным»⁹.

Таким образом, ставилась под сомнение искренность партийного руководства. Заведующий библиотекой Юрлинской средней школы Коми-Пермяцкого автономного округа Г.А. Ваньков на собрании в окружной партийной организации г. Кудымкара отмечал: «Тов. Хрущев на XVIII партийном съезде говорил, что мы сломали врагов и этим мы обязаны тов. Сталину, а на XX съезде тов. Хрущев наносит критику себе и членам ЦК партии, что не сумели своевременно уничтожить эту язву, преклонение перед личностью»¹⁰. Из этого следует, что общественность не разделяла мнения Хрущева, что только Сталин виноват в тех беззакониях, которые творились в 30-х – начале 50-х гг.

В своем докладе Хрущев все же делал несколько выпадов в адрес членов Президиума ЦК. «Осуждая Сталина за плохую оснащенность Красной Армии оружием в первые дни войны, Хрущев вспоминал свою беседу по телефону с Маленковым. В ответ

на слова Хрущева: «Имеется много добровольцев, которые хотят вступить в армию и требуют оружие», – Маленков ответил: «Мы не можем дать вам оружие. Мы посылаем винтовки в Ленинград, и вы должны вооружаться сами». Этот рассказ изображал Маленкова бесчувственным бюрократором, который в начале войны мешал организации обороны страны и отказывал патриотам в оружии»¹¹.

Не случайно при обсуждении доклада Хрущева на местах высказывались мнения об ответственности не только Сталина, но и его соратников. Так, в Кунгурской городской партийной организации выступавшие говорили: «Товарищ Маленков был секретарем ЦК КПСС, он ответил в 1941 г. тов. Хрущеву, что винтовок нет. Значит т. Маленков тоже несет ответственность за сложившуюся в 1941 г. обстановку»¹².

В докладе Хрущева, называвшемся: «О культе личности и его последствиях» делался упор на личные качества Сталина, и не затрагивались проблемы коллективного руководства, ответственности членов Политбюро и правительства¹³. А эта тема была очень востребована в обществе. Не случайно во время читки доклада на партийном собрании Большесосновского района рядовые члены партии положительно отнеслись, но при этом заметили: «Одобрив выводы ЦК КПСС о вреде культа личности, коммунисты и беспартийный актив считают необходимым вести борьбу с попытками отдельных руководителей противопоставлять себя коллективу, приписывать себе все положительные моменты в работе, достигнутые коллективом»¹⁴.

При ознакомлении со статьей газеты «Правда» от 5 апреля 1956 г., «Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму», на заводе им. Сталина в г. Молотове, был задан вопрос: «Может ли развиваться культ личности в низах и как определить и пресечь его?»¹⁵. К сожалению, на эти вопросы в докладе Хрущева ответов не было.

Хотя Хрущев осуждал возвеличивание личности Сталина, из его доклада было яс-

но, что не будет подвергнуто пересмотру отношение к другой личности, а именно – к В.И. Ленину¹⁶. Фактически, вместо преклонения перед Сталиным предлагалось почитать Ленина. Это противоречие было подмечено рядовыми членами партии. «Почему сейчас выдвигается роль Ленина – не есть ли это другая сторона преклонения перед культом личности?»¹⁷.

Люди обращали внимание и на то, что немного изменилось в сложившемся за годы правления Сталина отношении к лицам, занимавшим высокое положение в партийной и государственной иерархии. Их речи и доклады по-прежнему выпускаются миллионными тиражами. Коммунисты и беспартийные обращали внимание на то, что особым почетом был окружен Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Его речи постоянно публиковались и транслировались. Его слова постоянно приводились как поучительные указания по различным, актуальным проблемам современности в газетах, политической литературе и научных трудах. Фотографии, посвященные его официальным визитам, занимали видное место на первых полосах газет. Его портреты преобладали среди изображений остальных советских руководителей¹⁸.

Этот факт не мог не беспокоить рядовых членов партии. Коммунисты из города Нытва по этому поводу задали вопрос: «В 1955 – 1956 гг. в литературе, даже поэмах и стихах появились описания великих дел тт. Хрущева, Булганина и др. Отчего же они из скромности это не запретят?»¹⁹. При чтке доклада Хрущева в Кунгурской городской партийной организации присутствующие говорили: «В течение 20 лет создавался культ личности Сталина. Возможно, что пройдет еще 10, 20 лет и что-нибудь еще вскроется в партии»²⁰.

К вопросу о роли вождей при обсуждении доклада Н.С. Хрущева обращались и представители партийной номенклатуры. Так начальник ОРСа Усть-Уральского лесспромхоза Удалов сказал: «Я видел Сталина много раз в Москве, на банкете. Его «гениальность» нам

дорого обошлась. Я был командиром полка и получал солдат пехотинцев, не имеющих винтовок. Одни стреляли, а другие лежали и дожидались, когда убьют его товарища и он сможет взять его винтовку.

Накануне войны мне с группой людей было поручено проверить границы в Прибалтике. Личный состав войск был отпущен, бензин из танков слит и моторы разобраны. Аэродромы и танкодромы горели. Как можно отмечать заслуги за все эти злодеяния. Он стремился уничтожить старых членов Президиума ЦК Молотова, Микояна, но всю партию уничтожить не мог. Сталину нет места в Мавзолее. Он окружил себя подхалимами, нет места ему в нашей советской истории»²¹.

В своем выступлении на собрании парторганизации г. Гремячинска член КПСС Гаврилов заявил: «Я считаю действия Сталина антимарксистскими, антинародными, антипартийными и он должен за это отвечать посмертно. Я считаю, что его надо исключить из партии посмертно»²².

Поддержка курса на разоблачение культа личности на словах и нежелание ничего менять по существу были характерны для номенклатурного слоя, включая Политбюро. Однако главный постулат доклада Хрущева о том, что основы существующего строя остались неизменными, а нарушения сводились лишь к личным ошибкам Сталина, вызвал у рядовых коммунистов сомнения.

Участники собрания в г. Кудымкар, Коми-Пермяцкого автономного округа задавались вопросом: «Почему у нас в стране одна единственная партия, не является ли это ущемлением демократии?»²³ На общезаводском партийном собрании завода имени Сталина в г. Молотове, зам. начальника 42 цеха Стариков заявил: «В нашей стране существует привилегированное сословие, это работники обкома, горисполкома, научные работники, артисты, которые получают громадные деньги, разъезжают на автомашинах как бары, отдыхают, сгоняют жир в летние месяцы на курортах Юга, а рабочие, проработавшие на заводе 15 – 20 лет, не

имеют к этому таких возможностей, – это очень не справедливо»²⁴ Там же.

На собраниях в Уинском и Верхнее-Мулинском районах Пермской области присутствующие неоднократно задавались вопросами, а «Почему не было критики на XX съезде в адрес отдельных членов президиума ЦК КПСС?»²⁵ Там же. Л. 30.

«Какие недостатки в работе отделов ЦК были вскрыты на XX съезде партии? Почему очень редко бывают сейчас на местах работники ЦК и министерств, министры? Какие мероприятия наметил обком КПСС по перестройке работы аппарата обкома и РК КПСС?»²⁶ Там же. Л. 72.

Судя по таким выступлениям, под огонь критики подводили не только Сталина, но и всю партийную номенклатуру.

Столь бурная реакция на доклад «О культе личности и его последствиях» вызвала определенную нервозность во властных кругах. 5 апреля 1956 года в газете «Правда» была опубликована статья «Коммунистическая партия побеждала и побеждает верностью ленинизму». В ней были установлены определенные границы, за которые не должна была выходить критика культа личности. В этой статье говорилось: «Вместе с тем нельзя проходить мимо таких фактов, когда отдельные гнилые элементы пытаются использовать критику и самокритику для всякого рода клеветнических измышлений и антипартийных утверждений. / Отдельные гнилые элементы под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии. Весь ход исторического развития Советской страны опровергает подобные измышления, не оставляет камня на камне от такого рода попыток с негодными средствами. / Вся наша партия единодушна в одобрении мудрой ленинской политики. Но имеются факты, когда некоторые партийные организации проходят мимо бытовых, болотных настроений, высказываемых отдельными лицами, не разоблачают их, допускают либерализм в отноше-

нии людей, выступающих с непартийными заявлениями. / Партийные организации должны вести решительную борьбу со всякими отступлениями от политики Коммунистической партии, от марксистско-ленинской идеологии. Каждому коммунисту в рамках устава КПСС, предоставляется свобода обсуждения всех вопросов партийной политики. Но партия никогда не терпела и не потерпит мелкобуржуазной распушенности, и тем более антипартийных высказываний в своей среде. Хотя они и были единичными, партия не может допустить, чтобы свобода обсуждения вопросов толковалась, как свобода пропаганды чуждых духу марксизма-ленинизма взглядов, ибо это противоречит уставным положениям партии, ее принципам»²⁷.

Не смотря на попытки направить обсуждение проблемы в нужное русло, «брожение умов» не прекращалось, а только набирало обороты. Таким образом, доклад Хрущева на XX съезде внес смятение в ряды партии. Многие не знали, как реагировать, как оценивать доклад и менять ли свое отношение к Сталину?

Доклад внес некоторый раскол в ряды самих членов партии, так как одни соглашались с оценками Хрущева и тут же брались осуждать Сталина, тогда как другие не желали менять свое мнение о Сталине. У части коммунистов обозначился расширительный подход к проблеме культа. С одной стороны, они задались вопросом, а только ли Сталин в том виноват и нет ли вины его соратников, включая самого Хрущева? С другой – а не появится ли новый культ? Обсуждавшие доклад Хрущева задавались вопросом и о культе личности Ленина.

Судя по архивным материалам, выступление Хрущева на XX съезде на местах воспринималось на эмоциональном уровне. Собрания с обсуждением доклада Хрущева давало выплеск имевшегося недовольства либо положением дел на местах, либо конкретными руководителями. Выступавшие чаще всего ограничивались примерами из своей жизни, или ссылками на известные

им факты. Маховик разоблачений только запускался и еще не набрал обороты.

Обращает на себя внимание и то, что с осуждением культа личности чаще всего выступали директора промышленных предприятий и руководители разных рангов. Для них партийная дисциплина имела особое значение, и потому в их выступлениях реже встречалось несогласие с Хрущевым.

Что касается рабочих, то они поднимали вопрос об ответственности за культ не только Сталина, но и его окружения. Крестьяне же обращались к вопросам коллективизации, допускаясь перегибам. Партийно-хозяйственная номенклатура чаще всего затрагивала вопросы о репрессиях.

Сравнение высказываний в Ленинграде, Москве²⁸ и в Пермской области позволяет отметить более сдержанную реакцию на Урале. Это можно объяснить тем, что здесь было меньше интеллигенции, менее острой была конфронтация творческой интеллигенции с властью, чем в центре.

Несмотря на резкие и разные высказывания партийцев на местах, они еще не ставят вопрос о Советской политической системе, а ограничиваются осуждением ошибок и произвола либо одного Сталина, либо называют в числе виновников и сталинское окружение. На местах у коммунистов еще нет понимания, что разоблачение культа личности Сталина поведет к реабилитации не только людей, но и их идей, что, в конечном счете, будет ударом не только по идеологии правящей партии, но и по всей Советской политической системе.

Примечания

¹ Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественное настроение в СССР в 1953 – 1964 годах. М., 2004. С. 171 – 172; Козлов В.А. Политические волнения в Грузии после XX съезда КПСС // Отечественная история. 1997. № 3. С. 33–49.

² Барсуков Н.А. Обратная сторона «оттепели» // Кентавр. 1993. № 4. С.129.

³ Государственный общественно-политический архив Пермского края (далее – ГАНИОПДПО).

- Ф. 105. Оп. 23. Д. 113. С. 32.
⁴ Там же. Л. 13, 21, 46.
⁵ Там же. Л. 5.
⁶ Там же. Л. 13.
⁷ Там же. Л. 36.
⁸ Там же. Л. 46.
⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 83.
¹⁰ Там же. Л. 39.
¹¹ Емельянов Ю. Миф XX съезда // Слово. 2000. № 3. С. 43.
¹² ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 116. Л. 18.
¹³ Емельянов Ю. Указ. соч. № 3. С. 45.
¹⁴ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 116. Л. 7.
¹⁵ Там же. Л. 74.
¹⁶ Емельянов Ю. Указ. соч. С. 45.
- ¹⁷ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 113. Л. 80.
¹⁸ Емельянов Ю. Указ. соч. С. 45.
¹⁹ ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 115. Л. 79.
²⁰ Там же. Ф. 105. Оп. 23. Д. 116. Л. 18.
²¹ Там же. Ф. 105. Оп. 23. Д. 113. Л. 80.
²² ГАНИОПДПО. Ф. 105. Оп. 23. Д. 116. Л. 5.
²³ Там же. Л. 44.
²⁴ Там же.
²⁵ Там же. Л. 30.
²⁶ Там же. Л. 72.
²⁷ Правда. 5 апреля 1956.
²⁸ Аксютин Ю. Указ. соч. С. 172 – 181; Наумов В.П. Борьба Н.С. Хрущева за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 16 – 19.

Планы выставок Государственной Третьяковской галереи на 2008 год

10 апреля

ВЛАДИМИР ЛЮБАРОВ

Выставочный зал в Толмачах

Выставка открыта с 11 апреля по 4 мая

Малый Толмачевский переулок, 6, стр. 1

Апрель

Выставочный проект «ЗОЛОТАЯ КАРТА РОССИИ»

Иркутский областной художественный музей

Выставка открыта с апреля по май

Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 2-й этаж

Апрель

ВЫСТАВКА ФАРХАДА ХАЛИЛОВА

Выставка открыта с апреля по май

Крымский Вал, 10, залы 80–82

Апрель

В.М. КОНАШЕВИЧ. К 120-летию со дня рождения. Графика

Выставка открыта в апреле

Крымский Вал, 10, залы 21–22

Апрель

ВЫСТАВКА ИЗ ФОНДОВ ГРАФИКИ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

Выставка открыта с апреля по сентябрь

Лаврушинский, 10, залы графики

20 мая

ЖАКОМО ДЕ ПАСС

Выставочный зал в Толмачах

Выставка открыта с 21 мая по 15 июня

Малый Толмачевский переулок, 6, стр. 1

Планы выставок Государственной Третьяковской галереи на 2008 год

29 мая

ПРАВОСЛАВНАЯ ИКОНА. БЕЛОРУССИЯ, РОССИЯ, УКРАИНА

*Выставка открыта с 30 мая по 3 августа
Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 3-й этаж*

19 июня

СОХРАНИМ ДЛЯ ПОТОМКОВ

К 50-летию Государственного научно-исследовательского института реставрации

*Выставка открыта с 20 июня по 31 августа
Крымский Вал, 10, залы 60–61*

Июнь

ААРОНА АПРИЛЬ

*Выставка открыта с июня по июль
Крымский Вал, 10, залы 80–81*

Июнь

Выставочный проект «ЗОЛОТАЯ КАРТА РОССИИ»

*Челябинский музей искусств
Выставка открыта с июня по август
Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 2-й этаж*

1 июля

С. ПАВЛОВСКИЙ

*Выставочный зал в Толмачах
Выставка открыта со 2 июля по 3 августа
Малый Толмачевский переулок, 6, стр. 1*

2 сентября

ФЕДОР МАТВЕЕВ. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ИТАЛИИ

*К 250-летию со дня рождения
Выставка открыта с 3 сентября по 26 октября
Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 3-й этаж*

4 сентября

АНАТОЛИЙ ШУРГИН

*Выставочный зал в Толмачах
Выставка открыта с 5 по 28 сентября
Малый Толмачевский переулок, 6, стр. 1*

10 сентября

ВЫСТАВКА МИХАИЛА КУЛАКОВА

*Выставка открыта с 11 сентября по 5 октября
Крымский Вал, 10, залы 80–82*

Сентябрь

М.В. ЛОМАКИНА. 1896–1964. Живопись, графика

*Выставка открыта в сентябре
Крымский Вал, 10, залы 21–22*

1 октября

ВЫСТАВКА ЛАЗАРЯ ГАДАЕВА

*Выставка открыта со 2 октября по 2 ноября
Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 2-й этаж*

28 октября

ВЫСТАВКА ОСКАРА РАБИНА

*Выставка открыта с 29 октября по 7 декабря
Крымский Вал, 10, залы 80–82*

30 октября

«...КРАСОТУ ЕЕ БОРОВИКОВСКИЙ СПАС...»

*Выставка открыта с 31 октября по 18 января 2009
Крымский Вал, 10, залы 60–61*

Октябрь

РИСУНОК ПЕРОМ

Выставка из фондов графики XVIII – начала XX века

*Выставка открыта с октября по март 2009
Лаврушинский, 10, залы графики*

5 ноября

ЧЕЛОВЕК ЧИТАЮЩИЙ

*Выставка открыта с 6 по 30 ноября
Выставочный зал в Толмачах
Малый Толмачевский переулок, 6, стр. 1*

13 ноября

ВЫСТАВКА ВАЛЕНТИНА СИДОРОВА

*Выставка открыта с 14 ноября по 14 декабря
Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 3-й этаж*

27 ноября

ИКОНЫ РОМАНОВСКОЙ ЭПОХИ

Коллекция В. Бондаренко

*Выставка открыта с 28 ноября по 13 января 2009
Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 2-й этаж*

10 декабря

Г. КЛУЦИС

*Выставка открыта с 11 декабря по 12 января 2009
Выставочный зал в Толмачах
Малый Толмачевский переулок, 6, стр. 1*

23 декабря

**В.А. ВАТАГИН. К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ.
СКУ ЛЬПТУРА, ГРАФИКА, ЖИВОПИСЬ.**

*Совместно с Дарвиновским музеем.
Выставка открыта с 24 декабря по 25 января 2009
Крымский Вал, 10, залы 80–82*

29 декабря

**ИСКУССТВО ЯРОСЛАВСКОЙ И КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЕЛЬ.
XVIII–XX вв. Поиски, находки, открытия**

*Выставка открыта с 30 декабря по 15 февраля 2009
Лаврушинский, 12, Инженерный корпус, 3-й этаж*